ПОѢЗДКА

ВЪ РЕВЕЛЬ И ГЕЛЬСИНГФОРСЪ

ВЪ 1839 ГОДУ.

Съ примѣчаніями для посѣщающихъ эти города и съ историческимъ обозрѣніемъ древностей Ревеля.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи 3-го Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Октября 1839 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ПОѢЗДКА

ВЪ РЕВЕЛЬ И ГЕЛЬСИНГФОРСЪ

ВЪ 1839 ГОДУ.

ГЛАВА I.

Вступленіе. — Морская поѣздка въ Ревель. — Вдохновеніе на морѣ. — Гора Лаксбергъ. — Поѣздка въ Гельсингфорсъ. — Свеаборгъ. — Обсерваторія. — Ботаническій садъ. — Заведенія морскихъ купаленъ и иск. мин. водъ. — Финскій Соборъ. — Сенатъ. — Университетъ. — Театръ. — Баль. — Возвращеніе въ Ревель.

Уже давно сбираюсь я объѣхать и узнать на опытѣ нашу милую Россію, а потомъ отправиться за границу. Исполняя это, я буду искать пользы какъ себѣ такъ и другимъ, и записывая свои

путевыя впечатлѣнія, дополнять ихъ *примѣчаніями* для путешественниковъ. Желаю, чтобы записки мои принесли пользу и удовольствіе какъ имъ, — такъ и читателямъ - домосѣдамъ. Стремясь къ этой цѣли, я не могу однакожъ предначертать себѣ опредѣленнаго плана, потому что путешествіе какъ и всякій опытъ, часто зависитъ отъ случая. Для начала, — ѣду въ Ревель.

Взявъ мѣсто на пароходѣ, вечеромъ 14 Іюня я отправилъ вещи свои, состоявшія въ платьѣ и нѣсколькихъ книгахъ, въ Контору Финляндскаго Пароходства и въ семь часовъ слѣдующаго утра, явился на пароходъ. Черезъ часъ третій звонокъ возвѣстилъ его отплытіе. Нѣкоторые пассажиры жаловались за чѣмъ такъ рано отходитъ онъ, я же напротивъ одобряю это, потому что не доспавши въ Петербургѣ мы избѣгнемъ нестерпимой безсонницы на морѣ. — Вѣтеръ былъ противный и только въ 12 часовъ

пароходъ Берда подошелъ къ Финляндскому. Таможенные окрестили мѣломъ наши имущества, мы пересѣли въ каюты и черезъ часъ *Сторфуретенъ* двинулся, прощаясь съ лѣсомъ или щетиною мачтъ Кронштадской рейды. Въ числѣ пассажировъ изъ извѣстныхъ находились Гр. Р', Кп. К. и Г. Л.; также было нѣсколько офицеровъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, отправлявшихся въ Финляндію, одна хорошенькая дама съ сыномъ, другая, не совсѣмъ хорошенькая съ пятью малолѣтними дѣтьми, и пр. Дѣти кричали, нарушая спокойствіе пассажировъ. Вѣтеръ дулъ съ прежнею силою, волны бѣлѣли перегоняя другъ друга, берегъ совершенно скрылся изъ виду. Въ 3 часа подали обѣдъ, довольно порядочный, и вслѣдъ за нимъ морская болѣзнь стала одолѣвать пассажировъ. Многія проклинали море и почти клялись не пускаться болѣе на немъ. Впрочемъ я считаю

эти клятвы писанными на водѣ. Удовольствія Ревеля заставляютъ забывать ихъ.

Дамы теряли совершенно присутствіе духа. Одна изъ нихъ кричала безпрестанно: arretez de grace, arretez je meurs! думая что пароходъ остановятъ, и что якорь можетъ прекратить качаніе; но пароходъ былъ непреклоненъ, раскачивая насъ по прежнему. Говорятъ впрочемъ, что морская болѣзнь есть лѣкарство отъ всѣхъ другихъ недуговъ и потому то она, какъ и всякое другое лѣкарство, противна и непріятна. — Дымъ парохода желтѣлъ, и вырываясь крутился какъ бы губкою, потомъ мѣхомъ и наконецъ растилался желтымъ пескомъ по небу. Море волновалось. Колеса парохода придавали волнамъ желто-зеленый цвѣтъ и какъ бы мылили ихъ . . . . Полагая что на воздухѣ будетъ пріятнѣе, я вышелъ на палубу, но тамъ чувствовалъ еще болѣе разслабле-

пія. Возвратясь въ каюту я взялъ изъ книгъ моихъ Овидія, думая, что онъ пособитъ мнѣ уснуть *богатырскимъ сномъ*, какъ выражались нѣкоторые пассажиры. Мнѣніе мое было несправедливо. Я такъ завлекся живописностью славнаго поэта что рѣшился перевесть *Потопъ* (Ovid. Met. lib. 1; 253-310), котораго дѣйствующія лица-волны, въ самомъ дѣлѣ, окружали меня. Представляю переводъ мой читателямъ, какъ одно изъ путевыхъ впечатлѣній или вдохновеній:

... Юпитеръ чуть кончилъ разсказъ, и снова печалью и скорбью
Чело бороздится, и гнѣвъ выступаетъ изъ огненныхъ взглядовъ.
Уже онъ десницей готовъ разсыпать блестящую молнію,
Но какъ небожителей царь, дорожа ихъ небеснымъ жилищемъ,
Боится чтобъ молнія его не зажгла безпредѣльнаго неба.
Онъ знаетъ что рокомъ огонь назначенъ разрушить мирьяды;
Но время еще не пришло, чтобъ небо и воды и земли

Огнемъ заалѣлись и мiръ отъ огня развалился бъ
на вѣки.
Юпитеръ уже отложилъ Циклоповъ горящiя стрѣлы.
Но месть не угасла его, и онъ затупить ее хочетъ
Погибелью рода людей отъ рѣкъ и дождей бы-
строгечныхъ.
Уже Аквилонъ заключенъ въ пещеру сѣдаго Эола,
А съ нимъ и всѣ братья его и спутники вѣтры, чтобъ тучи
Они разогнать не могли. И влажными крыльями, съ шумомъ
Махая, ужъ Нотъ поднялся, во мракѣ чело свое скрывши.
Онъ держитъ на влажной брадѣ тяжелыя, сизыя тучи;
И влага течетъ изъ сѣдинъ, и чресла покрыты росою...
Онъ мощною силой десницы сжалъ тучи и съ трескомъ на землю
Посыпался дождь, а вода и шумитъ и быстрѣй становится.
И вотъ въ разноцвѣтной одеждѣ, дугою поднявшись на небо,
Ирида, подруга Юноны и вѣстница гордой богини,
Сбирая шумящiя воды поитъ ими алчныя тучи.
Колосья сдва пожелтѣли и гибнутъ. Давноль земледѣлы
Гордились трудомъ годовымъ и плачутъ теряя надежды...
Юпитеръ жалѣетъ о смертныхъ, по карой одной не доволенъ,

Душа пламенѣетъ и страсти взываютъ о праведномъ мщеньи...
И вотъ бѣлопѣнныя волны, какъ будто дружины на помощь,
Нептунъ въ утѣшеніе брату сзываетъ и къ брани готовитъ:
«Откройте вы новыя страны рѣкамъ и минуты не медля,
«Спустите ихъ сильнымъ стремленьемъ въ равнины, луга и поляны.»
И вотъ необузданнымъ бѣгомъ, послушныя зову Нептуна
Бѣлѣя и пѣною кроясь катятся широкія рѣки.
И вмигъ содрогнулася суша, пугаясь трезубца Нептуна,
И сильнымъ движеніемъ страха водамъ указала дорогу:
И вотъ быстроногія волны стремятся, бѣгутъ чрезъ поляны
И сильнымъ теченьемъ срываютъ посѣвы и плодъ недозрѣлый,
Бѣгутъ похищая животныхъ, людей и чертоги Пенатовъ,
И домъ избѣжавшій ихъ силы, лишь скрытъ дождевою водою,
И башни скрываются въ безднѣ и все обращается въ море.
И море, безбрежное море, смѣнило весь сонмъ мироздавья...
А люди, коварные люди еще не теряютъ надежды...

Тотъ тщство стремится на горы—ихъ кроетъ пучина морская,
Тотъ снится въ утлой ладьѣ, гдѣ прежде готовилъ посѣвы.
Сребристая рыба на вязѣ блеститъ будто плодъ подъ вѣтвями,
Корабль въ виноградникѣ тонетъ, а якорь цѣпляется въ пашню,
И тамъ гдѣ траву луговую щипали веселыя козы,
Тюлени и гады морскіе пугаютъ собою природу;
А тутъ Персиды дивятся подводнымъ домамъ и селеньямъ,
Дельфины плывутъ надъ лѣсами и дубы, огромные дубы,
Колеблются силою влаги, она серебритъ ихъ вершины.
Здѣсь волкъ средь стада овецъ, какъ пастырь, несется водою
Тамъ тонутъ и тигры, и львы, теряя послѣдня силы,
Клыки измѣняютъ кабану и быстрыя ноги олешю.
Пернатыя ищутъ приюта и падаютъ въ шумное море;
А волны, смывая курганы, бросаются съ ропотомъ въ горы . . .

Въ разговорахъ съ пассажирами я провелъ болѣе двухъ часовъ, такъ что вечеръ начиналъ уже утѣшять небосклонъ. Незная что дѣлать, любоваться ли ноч-

ною картиною, видомъ Острова Гохланда (*) и потомъ восхожденіемъ солнца или предаться сну, я рѣшился избрать послѣднее и въ каютѣ заснулъ. Просыпаясь я немогъ угадать, гдѣ я — шумъ волнъ, впрочемъ, скоро напомнилъ мнѣ мое мѣстопребываніе. Въ шестомъ часу я вышелъ на палубу, напился кофе и чтобы разсѣять себя, принялся писать то, что теперь кончаю. Это сократило полчаса, а до Ревеля, по словамъ шкипера, оставалось еще болѣе трехъ. Къ счастію вѣтеръ утихалъ и солнце, отражаясь золотою пирамидою на поверхности моря, согрѣвало усталыхъ пассажировъ своимъ живительнымъ огнемъ . . .

(*) Гохландъ лежитъ на половинѣ пути къ Ревелю, имѣетъ въ длину $9^1/_2$ верстъ и въ ширину до 2, состоитъ большею частію изъ горъ возвышающихся до 130 сажень Въ горахъ струятся ключи. Жители населяютъ двѣ деревни: Гохландъ и Реколахтъ и занимаются рыбною ловлею.

Часовая стрѣлка стояла на 10-ти, и вотъ зеленыя острова Эстляндіи привѣтствовали оживающихъ пассажировъ. Видъ земли имѣетъ необыкновенно - цѣлебное вліяніе на моряка. *Берегъ, берегъ!* повторяютъ всѣ и естественная симпатія къ нему изцѣляетъ отъ морской болѣзни.

Острова встрѣтившіе насъ были Паргенъ и Вульфъ. Они, какъ говорятъ, населены и въ самомъ дѣлѣ хижины проглядываютъ между темными соснами. На Паргенѣ бѣлѣется маякъ, указывая путь караблямъ. Эстоны живутъ на этихъ уединенныхъ островахъ и вѣроятно, своею беззаботною жизнею довольнѣе изнеженныхъ жителей столицъ. Вульфъ уже начиналъ скрываться, и вотъ — черная пирамидальная вершина Олая, Ревельской церкви приковала къ себѣ вниманіе всѣхъ. Ревель стоитъ на горѣ и высокія башни церквей, возвышаясь надъ древними зданіями, кажутся низкими передъ гигантскимъ

верьхомъ Олая. Кругомъ города, зеленымъ полукружіемъ красуются сады окрестностей Ревеля. Но пароходъ бѣжитъ.... Пушки грянули и Ревельская гавань предстала глазамъ нашимъ. Привѣтствія жителей, встрѣчающихъ Петербургскихъ гостей слышутся ближе и ближе. Я вышелъ на берегъ, встрѣчаемый родными и знакомыми, и отправился на квартиру, еще *письменно* напятую мною.

Отдохновеніе было первымъ моимъ дѣломъ. Я легъ на диванъ, но мнѣ все еще казалось будто я на морѣ, по чему весь день чувствовалъ какую-то качку. Мнѣ все представлялись пароходные знакомцы или, лучше сказать, друзья, потому что ~~дружба существуетъ только во время путешествія~~, а въ свѣтѣ, однохарактерные люди какъ параллельныя линіи никогда не сходятся. Въ семь часовъ однакожъ я отправился на гору *Лаксбергъ*, лежащую въ концѣ Екатерипенталя, публичнаго гульби-

ща, и мысомъ упирающуюся въ море. Поднявшись по лѣстницѣ, устроенной руками человѣческими я достигъ ступеней, устроенныхъ природою изъ плиты, которою изобилуетъ Эстляндія. Видъ съ Лаксберга удивительный! Подъ вами зеленѣютъ рощи и долины Екатериенталя, осѣненныя лучами заходящаго солнца. Тихій вѣтеръ шепчетъ съ ихъ листьями и колеблетъ прибрежное море. Недолго любовался я картиною, усталость заставила меня возвратиться домои. Притомъ же на другой день *Сторфурстенъ* отправлялся въ Гельсингфорсъ, и я былъ въ числѣ членовъ Yuittahut, увеселительной поѣздки въ Финляндію, на 2 сутокъ. Мысли о прошедшемъ и будущемъ путешествіи укачали меня; я засыпалъ и въ надеждѣ проснуться, по привычкѣ въ шесть часовъ, не велѣлъ будить себя.

$^{17}/_{29}$ (*) Іюня. Въ восемь часовъ утра пароходъ былъ готовъ къ отплытію. Пассажировъ было много. Студенты разгуливали по палубѣ, занимая дамъ разговорами. Краснощекій шкиперъ въ бѣлой шелковой шляпѣ, въ курткѣ со стоячимъ воротникомъ и въ башмакахъ съ пряжками, стоялъ на возвышеніи. Голосъ его, голосъ энтузіаста - моряка, далъ пароходу движеніе и колеса, вспѣнивая спящія волны, зашумѣли. Труба дымилась сильнѣе и сильнѣе, пароходъ бѣжалъ, по Ревель долго не скрывался изъ виду; гигантъ Олай возвышался среди толпы горъ и зданій, большею частію вѣковыхъ, и виднѣлся за двадцать и болѣе верстъ. Темнозеленый Вульфъ и бѣлый маякъ Наргена скрылись вмѣстѣ съ нимъ. Погода была прекрасная, морское путешествіе казалось также пріятнымъ, какъ въ силь-

(*) Въ Гельсингфорсѣ числа считаются по новому стилю.

ный, противный вѣтеръ бываетъ неспо-
снымъ. Колеса парохода какъ бы за-
ставляли набѣгать, вспѣненныя ими вол-
ны на другія, которыя снова отталкива-
ли ихъ силою легкаго, боковаго вѣтра.
Пассажиры частію гуляли по палубѣ, ча-
стію завтракали въ каютѣ. Въ половинѣ
1-го начали бѣлѣться вдалекѣ берега Фин-
ляндіи и мало по малу пароходъ нашъ,
встрѣчаемый гранитными островами, при-
ближался къ Свеаборгу... Какая картина!
Представьте себѣ безпредѣльное мо-
ре; небо, слегка убѣленное облаками,
упирается въ него *опрокинутою чашей*,
какъ выражаются поэты; а среди
этого лазурнаго полушарія, среди моря
возвышается островъ изъ голаго кам-
ня. Граниты лежатъ на гранитахъ,
двѣ хижины обмываются волнами и
маякъ (*) возвышается надъ камен-
ными обломками. Зелени нѣтъ, сѣрый

(*) Маякъ этотъ сорванъ бурею, 19 Іюня.

мохъ и двѣ, три сосны вотъ всѣ произрастенія острова. Но картина мѣняется картиной, шеры начинаютъ пестрѣть, а сосновые лѣса чернѣть надъ скалами. — Удивляемся, какъ жители Петербурга забываютъ эти мѣста! Недѣля времени и лишняя сотня рублей, вотъ условія съ которыми вы можете погулять по морю, полюбоваться древнимъ Ревелемъ и скалами Финляндскими! — Вотъ и каменный, неприступный Свеаборгъ стоитъ передъ нами. Пушки выглядываютъ изъ оконъ гранитнаго вала, и на немъ прогуливаются артиллеристы. Но пароходъ бѣжитъ, пассажиры любуются природою, голосъ шкипера будитъ общее вниманіе, и три пушки, послушныя его зову, грянули привѣтствуя столицу Финляндіи. Гельсингфорсъ состоитъ изъ правильныхъ зданій-громадъ, расположенныхъ также правильно и среди ихъ, возвышается золото-звѣздный, голубой куполъ недостроеннаго собора, окружен-

пый лѣсами. Народъ толпился у пристани, и мы вышли на берегъ, обмываемый бухтою такъ,что Гельсингфорсъ кажется стоящимъ на рѣкѣ. Рекомендація одного изъ пассажировъ парохода, постояннаго здѣшняго жителя, дала мнѣ пристанищѣ въ гостинницѣ Societé прекрасно устроенной и дешевой (*). Лѣстницы дома, занимаемаго трактиромъ, усыпанныя ельникомъ, навели на меня какое-то грустное воспоминаніе.... но я не зналъ этого обыкновенія Финновъ и Эстоновъ. Пообѣдавши въ трактирѣ мы, т. е. два пароходные знакомца, Дерптскій пасторъ, путешественникъ въ длинномъ сюртукѣ, Московскій чиновникъ и я, отправились обозрѣвать городъ. Поднявшись прямою мощеною улицею украшенною природнымъ гранитнымъ тротуаромъ, мы достигли Обсерваторіи.

(*) За-комнату въ сутки берутъ 2 р. асс., а за столъ, состоящій изъ 6 кушаньевъ, 1 р. 20 к.

Она стоитъ на скалѣ, и архитектура ея, внутренняя и внѣшняя, подобна Пулковской. Обсерваторію показывала намъ женщина. Извѣстно что онѣ исполняютъ здѣсь обыкновенно обязанности чичероне. Видъ съ Обсерваторіи прекрасный и дикій, свойственный одной Финляндіи. Спустившись съ Обсерваторіи мы пошли осматривать здѣшнія лавки. Разнообразіе удивительное, газовые платки и гвозди продаются вмѣстѣ! Оттуда мы вышли на площадь Сената и Университета. Пройдя нѣсколько правильныхъ улицъ, мы достигли сада, мало чѣмъ уступающаго садамъ цвѣтущимъ въ окрестностяхъ Петербурга, и бѣднаго только тѣнію. Ряды шиповника и сиреневыя аллеи напомнили мнѣ Царское Село! Садъ Гельсингфорскій упирается въ море каменными пластами. На одномъ изъ береговъ его лежитъ воксалъ *Валунъ*; въ немъ прислуживаютъ молодыя Финночки, услаж-

дая чай и мороженное, улыбками. Оттуда, полюбовавшись снова картиною Финляндии, мы спустились въ Ботанический садъ. Померанцы и кукуруза, бананы и чайное дерево, растутъ тамъ, подъ стекляными навѣсами. Удивительный порядокъ и простота царствуютъ вездѣ! Возвратясь въ нашъ трактиръ и отдохнувъ немного, мы отправились въ дилижансѣ къ зданію заведенія минеральныхъ водъ и морскихъ купаленъ, превосходящихъ устройствомъ и расположеніемъ своимъ Ревельскія и Гапсальскія. Вѣрно не всѣ знаютъ цѣлебную силу морскихъ водъ? Поѣзжайте наслаждаться природою Финляндскою и въ тоже время, погружаясь въ море, укрѣплять свои члены растроенные заботами и непостояннoю столичною жизнію! Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ много походитъ на Петербургское.—Восхищаясь искусствомъ, мы не забывали и природу, карабкаясь на скалы, обращаемыя жи-

телями въ пашни; тонкій слой искусственной почвы покрываетъ ихъ и даетъ жизнь овсу и другимъ произрастеніямъ. Плодоносная мамура, ягода угрюмаго сѣвера, растетъ на поверхности скалъ.

Вскорѣ голоса почныхъ сторожей, возвѣстили 10 часовъ, мы усталые поплелись въ свою гостинницу и я заснулъ *подъ голосъ* одного старика, воодушевляемаго разсказами своего чиновническаго быта.

$^{18}/_{30}$ Іюня. Усталость одолѣла привычку и я проснулся въ девять часовъ. Меня разбудилъ однообразный звукъ колокола. Это было Воскресенье, народъ толпился передъ пашими окпами на площади, близь монумента воздвигнутаго въ 1833 году, признательными жителями Гельсингфорса, въ честь посѣщенія Ея Императорскимъ Величествомъ Императрицею АЛЕКСАНДРОЮ ѲЕОДОРОВНОЮ. Его Свѣтлость Г. Генералъ-Гу-

бернаторъ принималъ къ себѣ главныхъ чиновниковъ города. Напившись кофе я вышелъ на площадь, окружающую бухту гранитнымъ валомъ и плитами. У берега дымился *пароходикъ* Lentaiac, возящій здѣшнихъ жителей за 20 к. мѣд. въ Свеаборгъ и къ окреснымъ островамъ-шерамъ. Этотъ пароходъ есть лодка десяти арш. въ длину и пяти въ средней ширинѣ; она управляется двумя мальчиками и узкая труба ея дымится, нагрѣваемая щепками. Такъ какъ вѣтеръ былъ довольно сильный, то я и не рѣшился жертвовать собою въ пользу миніатюрнаго парохода, потому, что могъ видѣть тоже съ высоты воздвигаемаго собора. Мои друзья путешественники и я взбирались туда съ $^1/_4$ часа и вполнѣ были вознаграждены чудомъ панорамы. Городъ, форштадтъ, дорога Петербургская, Свеаборгъ и шеры кажутся какъ на ладони. Городъ Гельсингфорсъ состоитъ весь изъ широкихъ улицъ, пра-

вильно расположенныхъ между каменными трехъ и болѣе этажными зданіями и населенъ 12,000 жителей. Форштадтъ есть собраніе избъ и деревянныхъ домовъ, простой архитектуры. Петербургская дорога вьется по горамъ. Скалы, раздробленныя порохомъ и шеры сѣрѣютъ и краснѣютъ въ разныхъ мѣстахъ.

Спустившись съ лѣсовъ собора мы пошли въ Университетъ. Устройство аудиторій его удивительно въ оптическомъ и акустическомъ отношеніяхъ и скамьи, покрытыя зеленымъ сукномъ, расположены амфитеатромъ. Кабинетъ рѣдкостей Гельсингфорскаго Университета довольно богатъ: тамъ вы найдете различныя одѣянія и оружія дикихъ, и воиновъ среднихъ вѣковъ. Орудія первыхъ для ловли разныхъ звѣрей и зонтики отъ солнца, изумляютъ выдумкою. Трости монаховъ съ рѣзными означеніями

дней святыхъ любопытны. Изъ кабинета, мы пошли въ гимнастическую залу студентовъ; она устроена подъ куполомъ. Осмотрѣвъ Университетъ мы отправились въ Сенатъ и посѣтили залы собраній его; на столахъ лежатъ Библіи. Возвратившись оттуда и пообѣдавъ въ трактирѣ, въ семь часовъ мы пошли въ театръ. Онъ лежитъ въ концѣ *Липовой аллеи*, здѣшняго булевара, идущаго отъ гавани. Пріѣзжіе Ревельскіе актеры давали *Норму*. Театръ хотя и не великъ, но устроенъ хорошо и мѣста весьма дешевы. Бѣдность оркестра въ театрѣ была вознаграждена игрою и пѣніемъ Г-жи Кестельвудъ (Нормы) и Келлера (Севера). Спектакль кончился въ 10 часовъ и мы поѣхали на балъ заведенія минеральныхъ водъ. Зала довольно обширная, была освѣщена хорошо и полна народомъ; мило - одѣтыя, очаровательныя Финночки кружились по паркету съ ловкими кавалерами. Порядокъ на балѣ былъ удиви-

тельный, въ передней мы вѣшали шинели безъ всякой контръ-марки и находили на мѣстѣ. Балъ кончился не поздно, въ полночь, и я отправился въ гостиницу *Societe* . . . Море бушевало, волны обливались пѣною и я, глядя на нихъ, предчувствовалъ ужасъ завтрешняго возвращенія въ Ревель.

Расплатясь съ трактирщикомъ, котораго рекомендую всѣмъ посѣщающимъ Гельсингфорсъ, я отправился на пароходъ въ сопровожденіи *друзей путешественниковъ*. Въ 12 ч. пароходъ двинулся... На морѣ былъ штурмъ. Сидя на палубѣ и разговаривая съ пассажирами, я не замѣтилъ какъ мы миновали Свеаборгъ и выѣхали въ открытое море. Вдругъ сильный холодъ обдалъ насъ, безъ того уже дрожавшихъ отъ вѣтра, и бѣлая, огромная волна перешагнула пароходъ и облила всѣхъ находившихся на палубѣ. Совершенно мокрый я отправил-

ся въ каюту, но она была полна пародомъ, отчего долженъ былъ опять сѣсть на палубѣ. Взглянулъ и чтожс? Черный, сѣдой валъ шелъ прямо на насъ и казалось, готовъ былъ поглотить совершенно. Капитанъ намѣкалъ объ опасности; а волна росла и росла, поднимая свою сѣдую голову выше пяти сажень. Мы прощались съ жизнію . . . . но пароходъ, взлетѣлъ на хребетъ влажнаго непріятеля и качаясь продолжалъ путь. Нѣсколько времени всѣ были больны отъ волненія и только видъ зеленаго острова Вульфа возвратилъ намъ жизнь. Олай былъ видѣнъ недалеко и гавань Ревельская, обливаемая волнами, встрѣтила насъ. Раздѣлавшись съ таможенными, мы вышли на берегъ и я благодарилъ Бога, что менѣе другихъ пострадалъ отъ качки парохода. Опытъ показалъ мнѣ, что на немъ главное правило сохранять спокойствіе. Многіе пассажиры были до того перепуганы бурею, что рѣшились

возвратиться въ Петербургъ сухимъ пу-
гемъ, взявши уже билетъ на пароходъ.
Да и онъ принужденъ былъ остаться
лишше сутки въ гавани.

ГЛАВА II.

Ревель. — Внутренній видъ его. — Лютеранская церковь Св. Олая. — Каменное изваяніе скелета въ стѣнѣ ея. — Эстонская церковь Св. Духа. — Лютеранская церковь Св. Николая. — Дюкъ де Кроа и исторія его. — Вышгородъ. — Лобное мѣсто. — Капупъ и праздникъ Иванова дня. — Картина захожденія солнца. —

21 Іюня. Въ семь часовъ разбудилъ меня крикъ apopima, apopima, я приподнялся, взглянулъ въ окно и вижу Эстона, погоняющаго лошаденку съ телѣгою. На ней лежали двѣ бочки, съ кислымъ молокомъ (!), которое составляетъ любимую и народную пищу Эстоновъ.

Погода была пасмурна и что всего удивительнѣе, согласна съ пред-

вѣщанiями Ревельскаго календаря. Вѣтеръ качалъ деревья и не могъ ими наиграться, а я глядя на пихъ, разговаривалъ съ *бѣднымъ слѣпымъ*, сыномъ мужика, хозяина дома. Этому слѣпцу теперь 25-тый годъ, онъ ослѣпъ съ трехъ лѣтъ отъ рожденiя, и знаетъ положенiе Ревеля и его окрестностей лучше всякаго Ревельскаго извощика. Онъ дѣятеленъ необыкновенно: возитъ воду, бѣгаетъ въ городъ и всегда исполняетъ исправно всякiя порученiя (*).

Било 12 часовъ, я зашелъ въ гавань и взглянувъ съ сожалѣнiемъ на отходящiй въ бурю пароходъ, отправился въ городъ, въ сопровожденiи моего знакомаго, здѣшняго чиновника. До заставы *Большихъ Морскихъ Воротъ* мы шли по шоссе, частiю между деревянными строенiями, частiю между заборами изъ обломковъ плиты. *Большiя*

(*) Теперь, какъ я слышалъ, онъ отправился въ Дерптъ для излеченiя, къ проф. *Пирагову*.

морскія ворота не совершенно соотвѣтствуютъ своему названію, потому что двѣ кареты съ трудомъ могутъ разъѣхаться въ нихъ. Они кирпичные и окружены башнями, изъ которыхъ главнѣйшая, *Толстой Маргариты*, (die dicke Margarithe) имѣетъ около 11-ти сажень въ вышину и до 5-ти въ ширину, въ діаметрѣ. Сѣрыя стѣны ея съ продолговатыми узкими окнами свидѣтельствуютъ о древности строенія.

Пройдя арку этихъ воротъ мы вышли въ главную улицу города, называемую Русскими *Морскою*, а Нѣмцами Lang-Straße, и зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ, представилось мнѣ. Острокопечные съ флюгерами домы, крытые черепицею, смотрятъ другъ на друга узкими окнами. Съ верьху главнаго фасада домовъ, выдаются балки - блоки, *нѣкогда* употребляемыя купцами Ганзы, къ которой принадлежалъ Ревель. Окны, выходящія на улицу, закрыты большею частію досками,

потому что Ганзеатическіе купцы жили окнами на дворъ, а въ улицу только спускали товары. Входы домовъ составлены изъ каменныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ (niches); стѣны украшены арабесками и разными изваяніями, а на острыхъ верьхахъ ихъ качаются флюгера или возвышаются статуи. Въ новыхъ домахъ окны такъ широки, что рамы отстоятъ другъ отъ друга не болѣе 3-хъ вершковъ. Тротуары и мостовая, не смотря на изобиліе плиты и булыжника въ здѣшнихъ мѣстахъ, постланы дурно. Колодцы выдаются огромными кадками среди площадей. Такимъ образомъ съ перваго взгляда Ревель кажется удивительнымъ, рѣдкимъ, какъ древность, и неудобнымъ, какъ современный городъ, для жилья. Пройдя нѣсколько улицъ отъ воротъ, я остановился у Олая, Лютеранской церкви, первой въ Ревелѣ по вышинѣ, и третьей по древности. Она состоитъ изъ одного главнаго зданія, надъ которымъ возвышается баш-

пя, и изъ двухъ капеллъ. Первоначальное построеніе церкви Св. Олая было въ XIV вѣкѣ, но пожары восемь разъ давали ей новый видъ. Слѣды послѣдняго пожара 1820 года, видны и теперь такъ, что развалины домовъ, на которые обрушилась башня Олайская, остались въ прежнемъ положеніи. Олай съ восточной стороны граничитъ на Морскую улицу не высокимъ заборомъ изъ обломковъ плиты, обросшимъ зеленью.

Съ той же стороны Олая, въ самой стѣнѣ его, подъ однимъ изъ готическихъ оконъ, раздѣленнымъ на сотни стеклянныхъ квадратиковъ, видно большое, каменное изваяніе, заслуживающее вниманіе. Оно принадлежитъ къ первымъ годамъ XVI вѣка и состоитъ изъ четвероугольника въ видѣ часовни съ двумя углубленіями (niche), окруженнаго восьмью барельефами, изображающими различныя Евангельскія событія. Верхнее углубленіе пусто и вѣроятно было

запято какою либо статуею; а въ нижнемъ, сдѣлано изваяніе скелета, на ребрахъ котораго лежитъ жаба. На стѣнѣ видна слѣдующая едва замѣтная надпись на древнемъ Саксонскомъ нарѣчіи:

Dat - hir vor gat - is - mi - froli - -
Wes - sik - behelt - helft - my - bos--
Hirums - sol - sik - nemant - to - hold - -
Denen-also-rock-vergheut-des myn - -
essen - leven. Hans Pawls
gedechtnosse 1513. — Что значитъ:

То что происходитъ здѣсь, мнѣ пріятно; то что остается, меня утѣшаетъ. Да не сомнѣваются, что жизнь человѣческая проходитъ какъ паръ. Въ воспоминаніе Hans'a Pawls'a. 1513.

Объ этомъ изваяніи и предметѣ его спорятъ много. Большая часть полагаетъ, что оно представляетъ св. Олая, распространившаго здѣсь христіанство. Я же считаю напротивъ это весьма не трудпымъ для разрѣшенія. Самая надпись показываетъ, что изваяніе сооруже-

но въ воспоминаніе Hans'a Pawls'a и, какъ всѣ старинные надгробные камни изображаетъ его же, погребеннаго здѣсь. Это сдѣлано вѣроятно, въ слѣдствіе его завѣщанія, для утѣшенія родныхъ, представляя разрушеніе тѣла не такъ ужаснымъ, какъ оно *кажется*, а напротивъ *пріятнымъ*; безсмертіе же души *утѣшительнымъ* (*).

Осмотрѣвъ эту часовню, мы вошли во внутренность Олайской церкви. Она еще возобновляется, но не теряетъ прежняго готическаго вида своего. Восточная капелла ея составляетъ самое древнѣйшее зданіе и своды устроены такъ, что малѣйшій звукъ повторяется эхомъ и имѣетъ минутное продолженіе. Сильный вѣтеръ и дурная погода не позволили мнѣ тогда же взо-

(*) Покойный Мартинскій, ссылаясь на Проф. Ритерса, полагалъ что это изваяніе представляетъ идола Тора.

браться на верхъ Олая и мы должны были на время проститься съ нимъ.

Продолжая путь длинною, узкою, кривою улицею, пересѣкаемою въ разныхъ направленіяхъ другими, еще худшими, мы достигли дома отличающагося отъ прочихъ барельефами, и вообще архитектурою. Этотъ домъ принадлежитъ братству Черноголовыхъ (Swarzenhaupter), о которомъ я разскажу послѣ. Недалеко отъ него стоитъ Эстонская церковь Св. Духа, построенная въ концѣ XIII вѣка, Ревельскимъ Епископомъ Іоанномъ I. Деревянная башня, возвышаясь надъ главнымъ зданіемъ, отличаетъ его отъ другихъ домовъ, сходной съ нимъ архитектуры. Эта церковь, первая въ Ревелѣ по древности, извѣстна своимъ алтаремъ, произведенія того же XIII вѣка. Полъ ея состоитъ изъ надгробныхъ камней. Далѣе возвышается ратуша съ башнею, на которой видиѣется статуя Св. Маврикія, патрона города Ревеля.

Домъ Ратуши стоитъ на площади *Шведскаго рынка* и имѣетъ гауптвахту, охраняемую *городскою стражею*, въ синихъ мундирахъ и киверахъ, безъ всякаго украшенія. Отъ Шведскаго рынка переулокъ ведетъ къ *Русскому*, а оттуда нѣсколько улицъ къ Нарвскимъ воротамъ. Около нихъ, въ городѣ же устроены кузницы и водяная мѣльница. Этими воротами я вышелъ въ форштатъ и возвратился домой.

22 Іюня. Погода разгулялась и я выкупавшись въ теплой морской ваннѣ, снова отправился въ городъ. Передніе комнаты въ старинныхъ домахъ его уставлены шкапами, въ которыхъ предки нынѣшнихъ жителей, вѣшали свои платья. Стѣны этихъ компатъ украшены гербами, фамильными портретами и картинами. Странно видѣть эти остатки среднихъ вѣковъ въ XIX-мъ столѣтіи не какъ кабинетную рѣдкость, но какъ обыкновенное жилое мѣсто. Прой-

дя Парвскія ворота, составляющія подобно всѣмъ другимъ, арки городскаго вала, я вышелъ на площадь Русскаго рынка, уставленную телѣгами съ бочками кислаго молока. Послѣ того я зашелъ въ лавки, сперва въ Русскую, потомъ иностранную. Цѣны товаровъ въ послѣдней, гораздо выше, чѣмъ въ первой. Я спрашивалъ о причинѣ и содержатель Нѣмецкаго магазина отвѣчалъ что они въ правѣ дѣлать это, имѣя болѣе жизненныхъ потребностей, т. е. что Русскому довольно щей и каши, а имъ надобны кофе, пиво, чай и пр. . . Славная причина!!!! Отдуда я пошелъ черезъ Морскую улицу къ Вышгороду, лучшей части города, но не доходя остановился у церкви Св. Николая. Близь нее бываетъ обыкновенно ярмарка, которая должна начаться 24 Іюля и продолжаться около 3 недѣль. Вѣтхость ярморочныхъ деревянныхъ лавокъ не позволила магазинщикамъ рисковать своими товарами, чтобы не потерять

ихъ отъ сырости. По этой причинѣ вся ярмарка 1839 года, заключалась только въ продавцахъ: книгъ, игрушекъ и фаянса.

Никольская церковь состоитъ изъ высокаго четвероугольника посѣрѣлаго отъ времени такъ, что онъ кажется деревяннымъ. Надъ нимъ возвышается въ родѣ колокольни Николы Морскаго въ Петербургѣ деревянная башня съ флюгеромъ, отличающаяся отъ Петербургской только цвѣтомъ. Къ главной церкви принадлежитъ нѣсколько капеллъ, окны которыхъ, подобно какъ и ея раздѣлены на тысячи стеклянныхъ квадратиковъ. Церковь эта построена въ началѣ XIV вѣка, до XVI принадлежала Католикамъ и въ 1758 году возобновлена въ послѣдній разъ. Полъ въ первой комнатѣ составленъ изъ надгробныхъ плитъ, такъ что еще видны эпитафіи 1500 года; а стѣны украшены древними картинами и между прочимъ,

частію извѣстной Гольдбейна: *Танецъ смерти*. Хоругви и гербы висятъ въ разныхъ мѣстахъ. Изъ передней комнаты мы вошли въ главную церковь. Стѣны ея позеленѣли отъ сырости, полъ составленъ также изъ надгробныхъ плитъ, а верьхъ, какъ и въ Олаѣ, изъ сводовъ. На право отъ алтаря съ изображеніями Святыхъ, сохранившагося еще отъ Католиковъ, висятъ разныя Священныя картины съ надписями XV вѣка. Деревянныя скамьи съ рѣзьбою и выпуклыми украшеніями, современны построенію церкви; но странно что у всѣхъ этихъ выпуклостей отрублены концы. Говорятъ это сдѣлали изгнанные Католики, желая скрыть мѣсто своего сокровища къ сторонѣ котораго были обращены концы этихъ выпуклыхъ изображеній. Немного лѣвѣе отъ органа, небольшая дверь ведетъ въ капеллу, гдѣ лежитъ изсохшій трупъ Дюка де Кроа, сохранившійся болѣе 130 лѣтъ. Близъ две-

рей стоитъ дубовый гробъ, въ которомъ сперва лежало тѣло; онъ также неподвергся гніенію. У стѣны на катафалкѣ лежитъ тѣло Дюка де Кроа; лице почернѣло и похоже на деревянный истуканъ, волоса еще видны надѣ лбомъ, и на головѣ надѣтъ парикъ. Изъ подъ черной, бархатной мантіи выглядываютъ рубашка и манжеты, также хорошо сохранившіеся какъ жилистыя руки и высохшее тѣло. На лицевой сторонѣ катафалка видна слѣдующая надпись:

Caroli Eugenii Ducis e regia gente de Croy rer. gest. gloria praest. eorumq. discr. celeb. MDCL in Belgia nati, post pugn. Narv. Revaliae dum in cust. erat MDCCII mortui. Corpus per CXVIII annos labe intactum, nunc MDCCCXIX compositum. — Что значитъ:

«Карлъ Евгеній Герцогъ де Кроа происходилъ отъ Королевской крови, родился въ 1650 году въ Бельгіи; былъ славенъ, сколько своими великими дѣя-

шями , столько и разпородностью ихъ. Взятъ въ плѣнъ во время Нарвской битвы и умеръ въ Ревелѣ 1702 года. Трупъ его сохранился 118 лѣтъ и вынутъ изъ могилы въ 1819.»

Исторія рода де Кроа мало извѣстна; объ отцѣ его писали недавно (см. Библ. для Чтенія. Іюнь 1839.), но это *сказаніе* скорѣе можно почесть хорошею сказкою, чѣмъ истинною. Герцогъ Карлъ Евгеній, служилъ сперва въ Австріи и потомъ по рекомендаціи Императора Леопольда принятъ Петромъ I въ Русскую службу. Командуя войсками Петра Великаго осаждавшими Нарву, онъ отдался въ плѣнъ и умеръ въ Ревелѣ; а тѣло его по настоянію кредиторовъ, вслѣдствіе закона воспрещавшаго хоронить должниковъ, лишено погребенія. Наслѣдники его однакожъ не платили долговъ, и онъ пролежалъ въ гробѣ до 1819 года. Тогдашній Генералъ Губернаторъ Остъ-Зейскихъ Губерній , Маркизъ Паулуччи , велѣлъ

положить трупъ Дюка де Кроа подъ стеклянный навѣсъ. Причиной сохраненія тѣла его, полагаютъ свойство цемента, связывающаго камни церкви Св. Николая, и въ особенности то обстоятельство, что Дюкъ былъ поставленъ туда во время сильнаго Январскаго мороза.—Сырой удушливый воздухъ непозволилъ мнѣ долѣе остаться въ церкви Св. Николая, и я вышелъ изъ нея полный сильныхъ впечатлѣній.

Къ Вышгороду идутъ два хода, одинъ для экипажей, другой для пѣшеходовъ. Поднявшись уступами на верхъ я вошелъ въ садъ, цвѣтущій надъ крышами домовъ. Сирени, розы, жасмины и акаціи, составляютъ аллеи, гуляя по которымъ вы видите открытый городъ, или лучше сказать, черепичныя крыши его домовъ. На право отъ сада, двѣ улицы ведутъ къ дому Риттера, построенному на крутыхъ скалахъ песчан-

пика. Здѣсь открывается видъ, которому даже уступаютъ Панорамы Финляндіи. Вы видите городъ, окруженный стѣнами и башнями съ коническими крышами, изъ подъ которыхъ пробивается трава; вы видите нѣсколько ворогъ идущихъ подъ арками развалившихся стѣнъ. Башни церквей возвышаются надъ зданіями XIII-го и пяти послѣдующихъ вѣковъ. Это—Ревель почти въ томъ же видѣ какимъ онъ былъ въ цвѣтущія времена Ганзы.—Далѣе вы видите цилиндрическіе обломки, лежащіе въ разныхъ направленіяхъ, около высокой башни *Длиннаго Германа*. Это остатки замка Вальдемара II, царствовавшаго въ Даніи въ XIII вѣкѣ. Здѣсь, гоняясь за дикою козою, упавшею со скалъ онъ положилъ начало городу, который, какъ говорятъ, удержалъ названіе причины своего основанія. Корпесловы производятъ Ревель отъ re-fall что значитъ *паденіе козы*. Влѣво отъ города вы видите по-

ляны, сѣнокосы, извивистыя дороги и прибрежное море съ гаванью. Спустившись къ подножію скалъ я былъ еще болѣе изумленъ ихъ видомъ; надъ ихъ крутизной стоятъ огромныя зданія, готовыя кажется обрушиться ежеминутно; а между тѣмъ въ теченіи пятисотъ лѣтъ только разъ обвалился домъ, котораго сѣрые обломки видны и теперь на зеленомъ валѣ. Возвращаясь домой Никольскими воротами, я замѣтилъ возвышеніе изъ плиты, со столбомъ, на которомъ представленъ *палачь* съ розгами въ рукахъ; это, какъ узналъ послѣ, остатки украшеній лобнаго мѣста Эстоновъ.

23 Іюня. Ввечеру, послѣ захожденія солнца, народъ шелъ толпами на Лаксбергъ, гдѣ приготовлялись потѣшные огни, *для* встрѣчи *Иванова дня*, который *особенно* празднуется въ Ревелѣ; я также послѣдовалъ за толпою. На скалахъ горѣли смоляныя бочки и дымъ разносился вѣтромъ. Издали казалось

что опѣ вертятся въ огнѣ, но этотъ оптическій обманъ, происходилъ отъ народа, волновавшагося около нихъ. Нѣмцы-ремесленники курили сигары, Эстонки въ національныхъ, головныхъ уборахъ, разгуливали, любуясь на мальчишекъ, бросавшихъ камешьями въ бочки; Русскіе, Ярославскіе огородники, заливались пѣснями и гулъ родимой: *Не бѣлы снѣжки*, западалъ въ душу и приводилъ ее въ какое то пріятное онѣменіе. Слушая ихъ я отдыхалъ въ *тѣни каштановъ*, деревъ, которыми такъ восхищался Карамзинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ изъ Франціи.

24 Іюня. Уже съ утра Екатерининталь начинаетъ обращаться въ Екатерингофъ 1-го Мая. Простой народъ толпится... и въ пять часовъ по Парвскому форштату, какъ по набережной у Аларчина моста, тянутся экипажи рядами. Екатерингентальскія аллеи кипятъ народомъ. Нарядныя дамы сидятъ въ тѣни

каштановъ насажепныхъ Петромъ Великимъ. Они также тверды, какъ и все насажденное дивнымъ преобразователемъ Россіи. Пріѣзжіе останавливаются у дворца смотрѣть на три кирпича, положенные руками Петра I и оставленные въ стѣнѣ незамазанными.... Уже солнце начинаетъ спускаться въ синее море, по народъ гуляетъ по прежнему; недостаетъ только музыки, недостаетъ только тѣхъ аккордовъ, которые бы приводили чувства въ согласный восторгъ. Говорятъ, это единственный въ году день, когда Ревель такъ беззаботно предается веселью. Окрестные помѣщики съѣзжаются и на другой день уже *готовятся* къ отъѣзду. Ремесленники отдыхаютъ и нѣсколько дней даже хлѣба нельзя достать у пекаря.

26 Іюня. Вечеромъ я ходилъ на Лаксбергъ смотрѣть *захожденіе солнца*. Пройдя широкую и длинную (до 700 шаговъ) Екатерипентальскую аллею я вышелъ на Петербургскую дорогу. Съ

перваго взгляда, начало ея похоже на нашу Петергофскую,—сады и дачи зеленѣютъ по сторонамъ.

Своротя влѣво я поднялся на мысъ Лагсберга, и снова чудная картина представилась мнѣ.

Внизу зеленѣетъ дубрава, освѣщаемая лучами заходящаго солнца: вдали Вышгородъ пестрѣетъ домами и башнями; подлѣ него чернѣетъ Олай, какъ бы окруженный бѣлымъ пухомъ, отдаленныхъ облаковъ. Острова Вульфъ и Наргенъ кажутся тонкими зелеными полосами, и лодки рыбаковъ, ловящихъ серебряную кильку, скользятъ у берега. Голубое море тихо и свѣтло какъ небо, сорубежное съ нимъ; два, три облачка виднѣются на немъ и солнце серебритъ ихъ. Оно, огненнымъ шаромъ спускается въ море, и какъ бы соединяется со столбомъ, своего отраженія; лучи его не тяготятъ болѣе глазъ. Солнце спускается и — розо-

вая полоса начинаетъ разливаться по лазури; теряетъ свой шаровидный блескъ и—столбъ его отраженія начинаетъ умепьшаться; блѣднѣетъ и—кажется трепещущей дугой отъ легкаго колебанія волнъ; пырнуло и—пебо покрылось багряпой полосою.

Полпый поэтическаго восторга я возвратился домой.

ГЛАВА III.

Фаль, мыза Гр. А. Х. Бенкендорфа.—Замокъ и садъ ея. — Мыза Кошъ.—Развалины монастыря Св. Бригитты. — Мыза Тишертъ. — Видъ Ревеля съ Олайской башни.

Вечеромъ 28 Іюня, меня пригласили принять участіе въ прогулкѣ въ Фаль, мызу Гр. А. Х. Бенкендорфа, лежащую въ тридцати верстахъ отъ Ревеля. Пріятная погода, а еще болѣе желаніе видѣть это мѣсто, богатое дарами природы и искусства, заставили меня благодарить случай, и съ удовольствіемъ принять приглашеніе.

6 часовъ утра 29 Іюня, были срокомъ отъѣзда; я проснулся за полчаса

и дрожки стояли уже у воротъ дома. Ревель спалъ; перекличка пѣтуховъ одна нарушала его спокойствіе. Въ семь часовъ я уже былъ за заставой по Гапсальской дорогѣ. Окрестные луга и поляны огорожены не высокимъ заборомъ изъ обломковъ плиты; лѣса и кустарники зеленѣютъ по сторонамъ. Домовъ почти нѣтъ, и только на разстояніи полуверсты виднѣются корчмы съ соломенными крышами; изрѣдка лежатъ природные слои песчанника. Онъ употребляется здѣсь, по своему изобилію и аккуратности Нѣмцевъ, на многое: большіе куски возятъ въ городъ для полировки, поменьше употребляются на тротуары, небольшіе обломки на строенія и загороды, щебень на шоссе. На 11-ой верстѣ показались первыя зданія хорошей архитектуры; это—мыза Бар. Унгернъ-Штернберга. Далѣе черезъ рѣчку Гервсъ мы должны были ѣхать въ бродъ, потому что мостъ былъ сломанъ. На

17-й верстѣ дорога разходится на двѣ: одна идетъ въ Фаль, другая въ Гапсаль. Въ началѣ ихъ стоитъ трактиръ *Золотаго солнца*, большой и богатый съ виду. Я зашелъ туда и что же? Въ биллiардной комнатѣ отдыхали козы, въ буфетѣ дремалъ старикъ хозяинъ; онъ привсталъ и встрѣтилъ меня отказомъ, увѣряя что за отсутствiемъ жены его, у которой на рукахъ ключи, у него ничего нѣтъ, даже и хлѣба.—По Фальской дороги природа бѣдна, почва камениста; но не смотря на то на ней желтѣютъ колосья, заставляя удивляться трудолюбiю Эстоновъ. Близь Фёны, мызы Бар. Штакельберга, вы забываете о природѣ, восхищаясь искуствомъ—садомъ и замкомъ Барона. Далѣе идетъ густой лѣсъ, а за нимъ виднѣются башни Фаля. Тутъ и природа и искусство въ полномъ блескѣ, въ полной красотѣ, такъ что вы не знаете, кому изъ нихъ дать преимущество. Стѣны красивыхъ

амбаровъ покрытыя известкой съ кусками кирпича и гранита, кажутся мозаиками и стоятъ среди высокихъ колосьевъ овса, ржи и ячменя. Густой лѣсъ и желтѣющіе цвѣтами луга, видны въ отдаленіи; а по сторонамъ дороги молодыя деревья, какъ бы служатъ изгородами полямъ. Вотъ и Фаль! Готическія кирпичныя ворота съ гербомъ рода Бепкендорфовъ, стоятъ передъ главнымъ зданіемъ-замкомъ, построеннымъ въ готическомъ вкусѣ, извѣстнымъ Штакеншнейдеромъ. Зубчатыя башни видны съ разныхъ сторонъ; разноцвѣтныя стеклы стоятъ въ готическихъ рамахъ, а чугунная лестница и скамьи при входѣ. Замокъ выкрашенъ розовою краскою, съ сѣрыми полосами по краямъ, и съ двухъ боковъ главнаго фасада виднѣются щиты гербовъ, заключающіе въ себѣ три розы и девизъ Perseverance. На лѣво идетъ дорога къ *Трактиру Село Сосновка*, гдѣ останавливаются пріѣзжающіе любо-

ваться удивительными мѣстами, благословенными посѣщеніемъ Государя Императора и Его Августѣйшей Фамилии, и гостепріимствомъ знаменитаго вельможи-владѣтеля.

Отдохнувъ за сельскимъ завтракомъ, мы отправились любоваться Фалемъ. Противъ замка, бѣлая влага бѣжитъ съ шумомъ съ высокихъ ступеней водопада, шепчется съ камнями и извиваясь рѣкою убѣгаетъ въ море. Замокъ окружаютъ клумбы разноцвѣтныхъ блестящихъ георгинъ, розъ и резеды, и западный фасадъ его похожъ своими готическими рамами, ступенями и расположеніемъ цвѣтовъ на одну изъ сторонъ Александрійскаго Дворца въ Петергофѣ. Въ лѣвой части замка видѣнъ большой чугунный барельефъ, вставленный въ стѣну Гр. К. К. Сиверсомъ, въ честь владѣтеля Фаля, дѣятельнаго участника въ освобожденіи Амстердама изъ рукъ Наполеона. Онъ представляетъ во весь

ростъ героя съ поднятымъ мечемъ; въ ногахъ его лежитъ воинъ, на шлемѣ котораго видно́ется буква N.; а третія фигура изображаетъ женщину, которая съ умиленіемъ смотритъ на героя и какъ бы проситъ у него защиты. Внизу видна слѣдующая надпись:

Освобожденіе Амстердама
1813.
Генер.-Адъютанту Гр. А. Х. Бенкендорфу.
Гр. К. К. Сиверсъ.
1833.

Съ другой стороны замка на лужайкѣ цвѣтутъ въ полномъ блескѣ и распускаютъ вѣтви свои пять березъ посаженныя здѣсь руками Государя Императора, Государыни Императрицы, Великой Княгини Маріи Николаевны и Великихъ Княженъ Ольги и Александры Николаевенъ въ 1833 и 1832 годахъ. Далѣе, огромный тополь образуетъ вѣтвями своими бесѣдку.....

Внутреннія покои замка Фаля рос-

кошины и отличаются удивительнымъ вкусомъ. Въ первой комнатѣ висятъ картины частію украшавшія выставку 1835 года. Въ другой готическія кресла и огромная каменная ваза стоятъ на красивомъ паркетѣ; стѣны украшены портретами предковъ владѣтеля замка. Въ слѣдующей богатой комнатѣ, висятъ въ золотыхъ рамахъ портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, а равно и блаженной памяти, почившихъ Монарховъ благословеннаго Дома Романова. Въ четвертой комнатѣ красивая лестница ведетъ въ другой этажъ, по разнообразіе предметовъ не позволяетъ мнѣ запомнить ихъ всѣхъ.—Осмотрѣвъ замокъ мы пошли въ *Купальню*. Она имѣетъ видъ руской, деревенской избы, въ родѣ *домиковъ* находящихся въ Петергофѣ, въ Павловскѣ и на Крестовскомъ острову. Внутренность ея, какъ и всего замка, роскошна, и комната съ разноцвѣтны-

ми окнами украшена зеркалами и печкой съ израсцами видовъ Фаля.

Полюбовавшись купальней, мы остановились у дома, построеннаго также какъ и она, по деревенски, Ком. Сов. Пр. Пономаревымъ, въ честь владѣтеля Фаля; внутренность его оригинальна. Осмотрѣвъ русскую кухню мы вошли въ самую *избу;* лакированныя скамьи бѣлаго дерева примыкаютъ со всѣхъ сторонъ къ стѣнамъ. Въ одномъ углу комнаты виситъ большой кіотъ съ образами, въ другомъ прибиты полки для посуды, а въ третьемъ стоитъ высокая кровать съ занавѣсками, по обычаю Русскихъ крестьянъ. Изъ оконъ открывается прекрасный видъ на замокъ, на водопадъ и садъ. Во 2-мъ этажѣ дома Пономарева устроена *уборная*; тамъ передъ туалетомъ стоятъ креслы со спинкою изъ одного цѣльнаго оленьяго рога. Спустившись по прямой красивой лестницѣ, мы пошли въ садъ; на лугу гуляли гор-

дый павлинъ и смиренная пава. По дорожкамъ сада въ разныхъ мѣстахъ стоятъ чугунныя скамьи, съ разными гербами Русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Они присланы Графу, лицами гостившими у него и изумлявшимися Фалемъ. Спускаясь и поднимаясь нѣсколько разъ по уступамъ устроеннымъ изъ бѣлой, березовой коры, мы достигли оранжереи; различные, полуденные плоды зрѣютъ въ ней. Кусты бѣлыхъ розъ цвѣтутъ въ клумбахъ среди олеандровъ и георгинъ и изливаютъ благоуханіе. Осмотрѣвъ оранжереи и поднявшись на гору мы остановились у монумента, поставленнаго здѣсь въ воспоминаніе Ген. Ад. К. Х. Бенкендорфа. Гора эта возвышается какъ бы скалою надъ поверхностью земли; на краю ея у чугунной рѣшетки нѣсколько камней поддерживаютъ щитъ, мечь и шлемъ, надъ которыми прибита черная доска съ надписью:

«Любезному брату моему *Констан-*

тину. Онъ былъ храбръ, возвышенъ духомъ, исполненный любовью къ Царю и къ Отечеству. Онъ кончилъ службу кончивъ жизнь, 5-го числа Августа 1828 года въ Турецкомъ градѣ Праводахъ.» —

На щитѣ видѣнъ краснорѣчивый девизъ *Съ Богомъ*!..... Это памятникъ славному Генералу, часть біографіи котораго, была блистательною частію исторіи Турецкой компаніи 1828 года.

Спустившись съ этой горы и поднявшись на другую мы были остановлены блистательнымъ, единственнымъ point de vue. Внизу, рѣчка бѣжитъ каскадомъ; кругомъ, лѣсъ и красивыя дорожки, соединяютъ угрюмость поэтической природы съ роскошью сада; вдали море, усыпанное нѣсколькими шерами, вдается въ него заливомъ. На этой горѣ стоитъ бюстъ Государя Императора и кругомъ чугунный павильонъ съ надписями именъ лицъ, посѣтившихъ вла-

дѣльца Фаля въ 1833 году, въ свитѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Далѣе снова гора и на ней *Березовая башня*. Отъ нее черезъ рѣчку - каскадъ, идетъ мостъ укрѣпленый только на трехъ камняхъ. Эта сторона рѣчки называется *Мюримойзъ* и присоединена къ Фалю, покупкою ея отъ Бар. Икскуля. Желтыя, песчаныя горы, крутымъ высокимъ берегомъ выдаются въ рѣчку и среди ихъ возвышаются развалины замка Бар. Икскулей изъ плиты. Даже и въ нихъ видна какая то поэзія здѣшней угрюмой природы и изящнаго вкуса владѣтелей. Пройдя нѣсколько чистыхъ дорожекъ, украшенныхъ чугунными скамьями для отдохновенія, мы остановились у *Парасоля*, бесѣдки въ видѣ Царскосельскаго гриба. Оттуда видѣнъ *Рыбацкій домикъ*, стоящій на берегу моря. Я не былъ въ немъ, но говорятъ, онъ также хорошъ, какъ купальня и домъ Пономарева.

Пріятная прогулка и разнообразіе мѣстъ невольно завлекли насъ, такъ что мы ие замѣтили, какъ прошло нѣсколько часовъ и было уже три. Вскорѣ и Фаль показался въ своемъ величественномъ блескѣ и мы пройдя нѣсколько красивыхъ мостиковъ и осмотрѣвъ не большое готическое строеніе, поставленное здѣсь въ воспоминаніе родителей владѣльца Фаля, возвратились въ *трактиръ Село Сосновка*, единственной въ своемъ родѣ. Онъ помѣщается въ прекрасномъ зданіи, и стѣны его комнатъ украшены картинами изображающими разныя явства. Пообѣдавъ мы пошли осмотрѣть ферму, но коровъ и овецъ къ сожалѣнію не видали, потому что онѣ были въ полѣ. — Удивительная простота и чистота видны вездѣ! Тоже можно сказать и о кухнѣ, свѣтлыя изразцы и чистый полъ заставили дивиться даже и обыкновенному!

Въ огородѣ длинныя гряды ягодъ

расположены подлѣ теплицъ гдѣ зрѣютъ дыни и арбузы. Этотъ осмотръ былъ послѣдній, ибо вскорѣ дождь сталъ накрапывать, а потомъ и шумѣть подобно водопаду, такъ что мы напившись чаю и должны были возвратится въ Ревель. Вскорѣ пушки стоящія на стѣнѣ, а потомъ и самый замокъ скрылись изъ виду. Мы проѣхали границу Фаля и черезъ три часа я былъ въ Ревелѣ.

30 Іюня. Вечеромъ данъ былъ балъ въ прекраспомъ залѣ морскихъ купаленъ Витта. Я отправился въ десятомъ часу, и нашелъ только пять дамъ и восемь кавалеровъ. Изъ нихъ какъ-то составился кадриль въ три пары, изъ которыхъ одна, должна была танцовать каждую фигуру два раза. — Говорятъ впрочемъ что это первый странный случай въ продолженіе всего существованія этихъ баловъ.

Послѣ того я бродилъ въ Екатерипенталѣ, по такъ называемой *Философской* ал-

леи. Тамъ вмѣсто философовъ меня атаковывали на каждомъ шагу лягушки.

4 Іюля. въ 12 ч. я, съ однимъ знакомымъ отправился въ Кошъ, мызу г. Коха, лежащую въ 5 верстахъ отъ Ревеля и извѣстную своимъ романическимъ мѣстоположеніемъ. На 4-и верстѣ дороги, идущей по песчаному берегу моря, показались развалины монастыря Св. Бригитты, построеннаго въ 1407 году и разрушеннаго въ 1577 войскомъ Іоанна Васильевича IV.

Недостатокъ искусства въ Кошѣ вполнѣ вознагражденъ природою. Большая поляна окружена со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми такъ сказать въ три яруса живописными деревьями; по горамъ желтѣютъ дорожки сада, составляющаго Кошъ. Внизу извивается живописная рѣчка *Бригитовка*. Взявши въ Кошѣ лодку, мы отправились по этой рѣкѣ, къ развалинамъ монастыря лежащимъ на полуостровѣ и черезъ полчаса

мы были тамъ. Берегъ уставленъ надгробными крестами Католическаго кладбища. Развалины монастыря составляютъ длинное и высокое зданіе безъ крыши и фасадъ его, обращенный къ морю, возвышается огромнымъ треугольникомъ передъ прочими стѣнами. Онъ раздѣленъ углубленіями на 5-ть полосъ съ узкими отверстіями - окнами, и держится собственною силою. Каменныя стѣны всего зданія стоятъ на нѣсколькихъ ярусахъ сводовъ, подъ которыми, какъ говоритъ преданіе, начинался подземный ходъ въ Ревель (*). Самыя стѣны частію уже обвалились, частію держатся покрытыя рябиною.

Переѣхавъ на паромѣ на другой берегъ Бригиттовки, мы большою дорогою, возвратились въ Ревель.

(*) Изъ этого преданія Авг. Коцебу, знаменитый Нѣмецкій Драматургъ, составилъ Романъ, будучи директоромъ Театра въ Ревелѣ.

Вечеромъ тогожъ числа я былъ въ Гапсальскомъ предмѣстіи; оно болотисто и низменно. Проходя городомъ, я замѣтилъ въ одной улицѣ *торцевую каменную* мостовую. Шестиугольныя плиты замѣняютъ тамъ деревянные отрубки Петербургскихъ улицъ и, какъ я слышалъ, такая мостовая никогда не требуетъ починки. Потомъ, осмотрѣвъ прекрасное зданіе театра, къ сожалѣнію закрытаго во время лѣта, возвратился домой.

5 Іюля. Утромъ я обозрѣвалъ Ревельскія купальни и, рѣшительно даю преимущество *Виттовымъ*. Ихъ охуждаютъ за близость рѣчки Бригиттовки, но это несправедливо, потому что она отстоитъ отъ нихъ за четыре версты. Купальни *Краузпе*, находятся близъ истока нечистой городской воды, почему разумѣется и сами нечисты; а *Криха* устроены дурно, и открыты только въ извѣстные часы.

Вечеромъ я ходилъ по всей длинѣ Лаксберга. Внизу его, по уступамъ, течетъ вода изъ озера *Верхняго*, въ море. Извѣстно, что нѣкогда это были водопроводы для Екатерингентальскихъ фонтановъ, трубы которыхъ перевезены въ Петергофъ. На лѣвой сторонѣ Лаксберга, смотря отъ сахарнаго завода, есть холмъ съ котораго видно въ одно время и широкое озеро и безбрежное море. Оттуда я спустился въ Юрьевскій (Дерптскій) форштадтъ, и миновавъ нѣсколько красивыхъ домовъ, по песчаной дорогѣ, возвратился домой.

6 Іюля. Въ восемь часовъ утра, я и нѣсколько моихъ знакомыхъ, отправились въ Тишертъ, мызу Бар. Будберга, лежащую въ 12 верстахъ отъ Ревеля. Сначала мы ѣхали по большой дорогѣ, а потомъ своротили къ мызѣ. Здѣсь начинаются пески, такъ что лошади должны тащиться шагомъ. Показались горы и лѣсъ и — я догады-

вался что это Тишертъ; въ самомъ дѣлѣ, это былъ онъ. Отдохнувъ и позавтракавъ въ старомъ, развалившемся деревянномъ домѣ, за неимѣніемъ другихъ, мы поднялись на горы. Мѣстоположеніе удивительное! Крутыя, высокія горы (въ 40 и болѣе сажень) упираются въ море отвѣсно. Двѣ версты должно идти по нимъ, неимѣя возможности своротить въ сторону, потому что съ одной густѣетъ лѣсъ, а съ другой волнуется море. Живущій теперь въ Тишертѣ, Бар. Жиратъ, сдѣлалъ однакожъ нѣкоторыя удобства для посѣтителей. Въ двухъ мѣстахъ идутъ по крутизнѣ горъ къ морю, широкія ступени известняка, который составляетъ весь грунтъ здѣшнихъ горъ. Они хотя и дики, но исполнены поэзіи; громадные обломки лежатъ по берегамъ, покрытые орѣшникомъ и барбарисомъ; во многихъ мѣстахъ видны пещеры. Налюбовавшись природой, взглянувши на отдаленный Ревель и

осмотрѣвши замокъ Лукку, принадлежащій Барону Жирату, мы возвратились въ Ревель.

7, 8, 9 и 10 Іюля жары продолжаются, а вода въ морѣ, не смотря на то холодѣетъ. Должно замѣтить что это происходитъ отъ недостатка морскаго вѣтра.

11 Іюля, утромъ я отправился на Олай. Извѣстно, что съ башнею онъ имѣетъ 430 ф.; а слѣдовательно и считается однимъ изъ высочайшихъ зданій въ свѣтѣ (*). О внѣшнемъ видѣ Олая, я говорилъ выше, да и поэзія прежнихъ развалинъ его, сохранилась въ гравюрахъ. Внутреннія украшенія церкви Св. Олая еще не готовы, и будутъ кончены къ Октябрю. Алтарь и кафедра высѣчены изъ известняка превосходно. Лестница всего каменнаго зданія,

(*) Высочайшая изъ пирамидъ имѣетъ 449 ф., Страсбургская колокольня 417 ф., а церковь Св. Стефана, только 424 ф.

также каменная и заключаетъ въ себѣ до начала башни 259 ступеней. Поднявшись на верьхъ я вышелъ на терассу, посреди которой стоитъ огромная Олайская башня и по сторонамъ, четыре меньшія, того же вида. Съ терассы Ревель въ полномъ смыслѣ, кажется какъ *на ладони*. Городъ окруженъ стѣною построенною Карломъ XI, Королемъ Шведскимъ. Улицы расположены неправильно и черепичныя крыши домовъ, разбросаны въ разныхъ направленіяхъ. Форштадты зеленѣютъ садами и гавань, кривою дугою выдается въ море. Полюбовавшись этимъ видомъ, я поднялся еще выше въ башню, но пройдя пять деревянныхъ лестницъ, въ каждой по 16 ступеней, остановился. Мой проводникъ открылъ люкъ и городъ съ его окрестностями, показался малымъ въ такомъ же отношеніи къ виду съ терассы, какъ тотъ къ настоящему. Выше нельзя было идти, ибо остальныя во-

семь подобныхъ лестницъ, безъ перилъ, а стало быть опасны (*). Спустившись внизъ, и отблагодаривъ сторожа-проводника, я усталый, возвратился домой.

(*) И такъ въ Олаѣ всего 485 ступеней.

ГЛАВА IV.

Братство Черноголовыхъ.—Исторія и рѣдкости его.—Домъ призрѣнія слѣпыхъ.—Древній памятникъ Черноголовыхъ.—Ловля килекъ.—Ревельскій малкъ.—Гулянье въ Витенгофъ.—Вимсъ, мыза Гр. Буксгевдена.—Вышгородская церковь.—Могила Гр. Понтуса Делагарди.—Екатериненталь.

13 Іюля, утромъ я отправился въ клубъ *Братства Черноголовыхъ*, прочесть газеты, которыя въ Ревелѣ только тамъ и открыты для публики.

Но не чтеніе газетъ, а желаніе видѣть этотъ *знаменитый* домъ, былъ моею главною цѣлью.

Онъ находится въ Морской улицѣ, не далеко отъ церкви Св. Олая и при-

надлежитъ братству Св. Маврикія, получившему, по своему патрону, названіе Черноголовыхъ.

Основаніе этого Братства относится къ средині XIV вѣка; цѣлью его основанія было защищеніе города отъ буйства черни и другихъ возмущеній. Домъ братства построенъ въ 1597 году и украшенъ барельефами представляющими: знамя съ изображеніемъ головы Св. Маврикія и девизомъ: *Aut vincendum, aut moriendum*; также лица пожертвовавшихъ на построеніе дома и двухъ сражающихся всадниковъ. Это, какъ говорятъ, представляетъ побѣду одержанную Черноголовыми надъ *благородными* рыцарями Ревеля (*). Должно замѣтить что братья Св. Маврикія какъ въ прежнія времена, такъ и теперь избираются изъ *купцовъ*. Вступающій въ члены, дол-

(*) Въ Ревелѣ есть и теперь училище, носящее названіе *Домскаго Рыцарскаго*.

женъ находиться не менѣе пяти лѣтъ прикащикомъ въ лавкѣ бывшаго Черпоголоваго, чтобы тотъ могъ ручаться въ его честности. Кромѣ того онъ долженъ быть холостымъ, и, по вступленіи въ супружество исключается изъ братства. Посвященіе производится торжественно; вступающій вписываетъ свое имя въ книгу братства; ротмистръ даетъ ему знать главныя права и обязанности; и всѣ братья пьютъ за здоровье нововступившаго, изъ серебрянаго бакала, изображающаго оленье копыто. Парадная одежда Черпоголовыхъ состояла сперва изъ синяго, Шведскаго кавалерійскаго мундира, и треугольной шляпы съ плюмажемъ; нынѣ же она, замѣнена зеленымъ мундиромъ съ красиымъ воротникомъ, драгунскими эполетами съ шнурками, и каскою съ гербомъ братства. Ротмистръ же имѣетъ офицерскія эполеты и шитый золотомъ воротникъ. Обязанности Черпоголовыхъ состоятъ

между прочимъ, въ содержаніи карауловъ, во время присутствія Августѣйшей Фамиліи, въ Ревелѣ.

Въ первой комнатѣ дома братства Св. Маврикія, висятъ три модели Ганзеатическихъ кораблей, начала XVII вѣка. Слѣдующая большая комната, украшенная портретами Монарховъ Дома Романова, составляетъ залъ общества, въ которомъ бываютъ обѣды и балы. Стоитъ замѣтить, что домъ этотъ стоитъ покато, на горѣ, такъ что входъ его равенъ съ мостовою, а противуположныя окны выше втораго этажа, другихъ домовъ. Въ слѣдующей небольшой комнатѣ на-право, хранятся драгоцѣнности общества. Прежде всего обратила мое вниманіе книга, въ которую вписываются жертвующіе въ пользу Общества, почетные члены его. На первой страницѣ видѣется крупная подпись Петра I, съ собственноручнымъ же означеніемъ 1711 года. Немного ниже видны имена: Кн.

Долгорукова, Фельдмаршала Головина, Кн. Голицына, Кн. Трубецкаго, Гр. Головкина и др. вельможъ Петра Великаго. Двѣсти страницъ еще, заняты подписями прошлаго вѣка, по трудно разобрать ихъ.... Въ началѣ XIX вѣка сіяетъ имя Императора Александра Благословеннаго съ означеніемъ 1804 года. Немного ниже, видна подпись Герцога Кларенскаго, впослѣдствіе Вилгельма IV Короля Англіи.

На слѣдующемъ листѣ подписался храбрый *Генералъ Кульневъ*, и за нимъ столько извѣстныхъ лицъ, что трудно даже упомнить ихъ.

Его Величество Государь Императоръ **НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ**, удостоилъ Общество своею подписью въ 1827 году. Тоже сдѣлали въ 1829 году, Государь Наслѣдникъ Цесаревичь Александръ Николаевичь и въ 1836 Великій Князь Константинъ Николаевичь.

Потомъ слѣдуютъ еще ряды подписей знаменитыхъ лицъ.

Послѣ *книги* заслуживаютъ вниманія огромные золотые и серебряные въ видѣ оленьихъ копытъ бокалы, изъ которыхъ пили и пьютъ Черноголовые. Каждый изъ этихъ бокаловъ, особенно золотой, Всемилостивѣйше пожалованный Государемъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе двухъ бутылокъ вина.

Во второмъ этажѣ дома Черноголовыхъ находятся архивъ, библіотека и прежній залъ Общества. Онъ украшенъ современными портретами многихъ державныхъ особъ. Тамъ вы найдете Іоанна Грознаго и Густава Адольфа; тамъ красуются Короли Датскіе Христіанъ IV и Фридрихъ IV и Шведскіе: Густавъ Ваза, Ерикъ XIV, Іоаннъ III, Карлъ IX, Королева Христина, Карлъ X, XI и XII. Всѣ они писаны съ *натуры*. Среди ихъ висятъ иконы, спасенныя Черноголовыми

изъ монастыря Св. Бригитты, во время его разрушенія войскомъ Іоанна IV.

Сколько воспоминаній тѣснятся при осмотрѣ этихъ мѣстъ! Съ каждымъ взглядомъ на портретъ или на имя въ книгѣ, являются событія, коими ознаменовало себя лицо, котораго изображеніе или подпись красуются въ домѣ братства Черноголовыхъ. Это братство, можно сказать, составляетъ единственныя остатки рыцарства среднихъ вѣковъ.

14 Іюля, я ходилъ на вторую версту Нарвской дороги смотрѣть *монумента*, поставленный здѣсь въ воспоминаніе убитыхъ Ревельцевъ, во время сраженія съ Русскими въ XVI вѣкѣ. Онъ состоитъ изъ большой плиты вертикально поставленной на усѣченной пирамидѣ изъ того же камня. Среди надписи на древне-Саксонскомъ нарѣчіи означены годы сооруженія и возобновленія памятника 1683 и 1779. Мону-

мептъ этотъ окруженъ клумбами цвѣтовъ и находится подлѣ дома *призрѣнія ельпыхъ*, основаннаго госпожею Е*, вслѣдствіе ея благочестиваго обѣта, послѣ излѣченія отъ глазной болѣзни. На полъ-версты разстоянія отъ этого мѣста видѣнъ другой памятникъ — каменный крестъ съ изваяніемъ и надписью, почти стертыми отъ времени. Тутъ также было сраженіе!

15 Іюля, я ходилъ въ Liberté, мызу Г-на Коха, лежащую на 5-ой верстѣ Гапсальской дороги. Она по своему положенію, есть Тишертъ въ маломъ видѣ. Возвращаясь оттуда городомъ, я осматривалъ башню, въ которой видны ядра, пущенныя, какъ говоритъ преданіе, Царемъ Іоанномъ IV, во время осады Ревеля.

Вечеромъ того же числа я былъ на *Репербанкѣ*, мѣстѣ рыбной ловли въ Ревелѣ. Оно лежитъ противъ Большихъ морскихъ воротъ, не далеко отъ

гавани. Тамъ я нашелъ Осташковскаго рыбака, который уже двадцать лѣтъ приходитъ въ Ревель на рыбный промыслъ. Огромныя сѣти его разположены у берега, и онъ ѣздитъ съ ними за 10 и болѣе верстъ, для ловли извѣстныхъ *килекъ* (*). Счастіе ловли ихъ, по словамъ рыбака, зависитъ отъ температуры воды, и въ холодное время ими наполняются нѣсколько лодокъ. Выплывая на поверхность воды, кильки серебрятся подобно ряпушкѣ. Свѣжія они стоятъ отъ 10 до 20 к. мѣд. сотня, и вареныя очень вкусны. Старухи Эстонки скупаютъ ихъ тысячами, крупныхъ коптятъ, а остальныхъ солятъ съ перцомъ и продаютъ всюду. Широкихъ камбалъ на Репербанкѣ также довольно много. Они похожи на карасей, но бываютъ очень плоски и велики; сверху они

(*) Въ Ревелѣ они извѣстны подъ именемъ Killo strömling; killo значитъ *маленькій*.

почти красны, а снизу совершенно бѣлы.

17 Іюля, я ходилъ смотрѣть *Ревельскій маякъ*. Онъ возвышается на мысѣ горы Лаксбергъ и тремя лампами, отражающими свѣтъ свой въ металическихъ зеркалахъ, указываетъ путь кораблямъ. Съ балкона представляется Ревель какъ бы мозаическою горою. Спустившись съ маяка я обошелъ часть Лаксберга, гдѣ стоятъ огромныя развалины казармъ, построенныхъ при Екатеринѣ II и разрушенныхъ по недостатку воды и по сырости.

22 Іюля. На стѣнахъ 7-ми городскихъ воротъ было прибито объявленіе о иллюминаціи, которая будетъ вечеромъ въ Витенгофѣ, садѣ, лежащемъ на 3-ей верстѣ Гапсальской дороги. Этотъ садъ есть любимое мѣсто прогулокъ Нѣмецкихъ ремесленниковъ, образцами которыхъ, какъ часто *любуются* у насъ въ

Екатерппепгофъ. Я отправился туда въ девять часовъ. Среди Витенгофа горѣли шкалики и фонари. Въ залъ трактира дымъ сигаръ мѣшался съ запахомъ сельника, гирлянды котораго были развѣшаны по стѣнамъ. И залъ и садъ были наполнены характеристическими группами. Пиво и шнапсъ не сходили со столовъ и Нѣмцы окружая ихъ качались на стульяхъ, и покуривая сигары, тянули бюргерскія пѣсни. Въ 10 часовъ я возвратился домой.

24 Іюля, послѣ обѣда я и нѣсколько дамъ, отправились на линейкѣ въ Вимсъ, мызу Гр. Буксгевдена; она лежитъ за 6 верстъ отъ развалинъ монастыря Св. Бригитты. На дорогѣ гулъ пушечный остановилъ насъ; на морѣ была рѣдкая картина. Изъ облаковъ пушечнаго дыма выглядывали мачты кораблей бригады, приближающейся къ Ревелю на зимовку. Громады близились

окружая адмиральскій корабль и казались похожими на зданія Петербурга, какъ при въѣздѣ въ Неву они кажутся, подпирающими соборъ Св. Исаакія. Переѣхавъ черезъ Бригитовку на паромѣ, мы продолжали путь по морскому берегу. Эта дорога, какъ въ дождливую, такъ и въ пыльную погоду, всегда одинакова, всегда хороша, между тѣмъ какъ искусственныя дороги, шоссе и пр. иногда бываютъ непроходимыми отъ дождя и пыли, не смотря на всѣ старанія нынѣшняго вѣка о дорогахъ. Кстати замѣтимъ несправедливость мнѣній нѣкоторыхъ писателей о нынѣшнемъ вѣкѣ. Многіе называютъ его вѣкомъ изобрѣтеній. Это несправедливо. Изобрѣтенія составляютъ общую черту всѣхъ вѣковъ. XIX же вѣкъ есть вѣкъ дорогъ, сообщеній: пароходовъ, паровозовъ, тунелей, электровозовъ, дилижансовъ, чугунныхъ, асфальтовыхъ и торцевыхъ дорогъ, шоссе и пр. Однимъ сло-

вомъ XIX вѣкъ есть вѣкъ *путей сообщенія!*

Въ Вимсѣ мы были черезъ часъ по выѣздѣ изъ Ревеля. Главное зданіе возвышается на краю горъ, почти вертикально стоящихъ надъ землею, которая вѣроятно *нѣкогда* составляла также часть морскаго дна. Передъ замкомъ Вимсомъ синѣетъ прудъ, а за нимъ, длинная аллея, прорубленная между лѣсомъ тополей, идетъ къ морю. Смотря съ вершины горъ, нижнія группы и ряды деревьевъ, такъ очаровательны, что кажутся какъ бы войсками, готовящимися къ бою. Пройдя версты 2 отъ Вимса, мы остановились у готическаго замка *Лоди*, окруженнаго зубчатыми башнями и валомъ. Оттуда въ одно время видѣнъ и Ревель и островъ Вульфъ и безбрежное море и безпредѣльная поляна.

Въ Вимсѣ за отсутствіемъ владѣтелей мы не нашли пристанища, а

въ постояломъ домѣ, нельзя было достать даже и воды. Тутъ я вспомнилъ о Русскомъ гостепріимствѣ. Да, Нѣмцы далеко отстали отъ насъ въ хлѣбосольствѣ: дѣлать было нечего, черезъ часъ мы возвратились въ Ревель.

26. Утромъ я ходилъ въ Вышгородскую Лютеранскую церковь. Она построена въ срединѣ XIV вѣка Вальдемаромъ III и до 1565 принадлежала Каголикамъ. На стѣпахъ ея и на древкахъ висятъ гербы погребенныхъ здѣсь дворянъ. Полъ составленъ изъ надгробныхъ камней съ изваяніями, на подобіе того, какъ въ Олайской стѣнѣ. Это еще болѣе убѣдило меня, въ справедливости моего предположенія на счетъ того, что Олайскій скелетъ вопреки мнѣніямъ многихъ Антикваріевъ, есть не что иное, какъ надгробное изваяніе того о комъ говоритъ его надпись.

Среди храма у стѣны видна бѣлая

мраморная грабница, съ различными барельефами. Золотыя буквы, высѣченныя на камнѣ говорятъ, что тутъ покоится прахъ славнаго Адмирала Самуила Грейга. Великая Екатерина поставила ему этотъ мавзолей, въ воспоминаніе его побѣдъ надъ Турками и Шведами.

У Алтаря, съ одной стороны его, желтая, мраморная пирамида стоитъ надъ гробомъ Флигель-Адъютанта Императора Александра, Гр. Ферд. Тизенгаузена. Онъ былъ зять Кн. Кутузова-Смоленскаго, и умеръ 22-хъ лѣтъ отъ ранъ полученныхъ имъ во время Аустерлицкой битвы.

Съ другой стороны Алтаря среди нѣсколькихъ надгробныхъ камней, видѣется памятникъ *Гр. Понтуса Делагарди*, того Шведскаго полководца XVI вѣка, передъ которымъ трепетала Польша, и который, по словамъ лѣтописцевъ, обнадеживалъ своего Короля,

завоевать ему западъ Россіи (*). Судьбѣ было угодно чтобы въ Ревелѣ, въ нѣдрахъ Русской земли покоились кости двухъ полководцевъ, имѣвшихъ дважды вліяніе на судьбу Нарвы: Делагарди, который взялъ ее у Русскихъ штурмомъ и Де Кроа, который отдался Шведамъ.

Подлѣ Делагарди лежитъ тѣло Гр. Генриха де ла Тура, сподвижника Густава Адольфа, извѣстнаго въ исторіи геройскими подвигами при Лейпцигѣ и Люценѣ.

Сырость этой церкви, равно какъ и всѣхъ другихъ Лютеранскихъ церквей въ Ревелѣ, происходящая отъ значительнаго углубленія ихъ въ землѣ, не позволила мнѣ долѣе пробыть тамъ. Кстати замѣчу только то, что на большомъ органѣ Вышгородской пер-

(*) См. Карамзина. Т. XII.

кви, представлены Ангелы играющіе на трубахъ и литаврахъ. Они, какъ говорятъ, во время священныхъ пѣсней движутся по механизму органа.

28 Іюля утромъ я ходилъ въ городъ, свѣрять свои записки и прощаться съ нимъ, а вечеромъ былъ въ Екатерингалѣ. Онъ похожъ устройствомъ своимъ на Петергофскій садъ, и дѣлится Дворцомъ, подобно ему, на верхній и нижній. Красивыя бесѣдки, покрытыя живыми огромными вѣтвями каштановъ, стоятъ между аллей и клумбовъ цвѣтовъ. Въ верхнемъ саду находится домикъ Петра Великаго, гдѣ хранится часть Его одежды.

Въ концѣ сада стоитъ трактиръ, который для Ревельскихъ жителей служитъ вмѣсто Петербургскаго *Краснаго Кабачка*. Тамъ отдыхаютъ они зимой, катаясь по длинной Нарвской улицѣ.

ГЛАВА V.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Путь отъ Ревеля до Нарвы. — Развалины Иванъ-города. — Нарвскій водопадъ. — Путь отъ Ямбурга до Петербурга.

31 Іюля. — 1-е Августа приближается. Пора ѣхать въ Петербургъ. Желаніе видѣть Нарву съ ея водопадомъ и Ямбургъ, заставляетъ меня отправиться сухимъ путемъ.

Подорожная взята; вещи уложены и отправлены съ человѣкомъ на пароходъ.

1-е Авг. Утромъ, я прощался съ моремъ, купаясь въ послѣдній разъ.

Жаль, разстаться съ тобою, голубая, безбрежная влага! Жаль проститься съ твоею зыбью, которая подобно водопаду разсыпалась пѣпою и оживляла усталые члены! — Сильное, но пріятное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ бросается въ морскую синеву.

Возвратившись домой я засталъ у воротъ четверню рыжихъ, ожидавшихъ меня. Пообѣдавъ я простился съ Ревелемъ и отправился.

На 3-ей веретѣ дорога идетъ на гору и Ревель скрываяся, кажется какъ бы въ ямѣ; только Олай еще нѣсколько минутъ представляется, какъ бы верстовымъ столбомъ. На 6-ой верстѣ природа представляется картиной. По сторонамъ желтѣютъ поляны и зеленѣетъ лѣсъ, вдали синѣетъ море и передъ нимъ возвышаются сѣрыя развалины монастыря Св. Бригитты.

Небосклонъ покрытъ слоями сѣрыхъ и черныхъ тучь.

Овцы пасутся на лугахъ и бѣлый гусь, поднимая красную лапу, чинно прохаживается по большой дорогѣ.

Даже до самой станціи *Іеглехтъ*, на разстояніи 23 верстъ, окрестность пуста, и среди лѣса и полянъ, только для разнообразія мелькнуло озеро и сельская церковь. Въ Іеглехтѣ я былъ не долго; толстый Комиссаръ въ сѣромъ нанковомъ халатѣ и въ очкахъ, стоялъ уже на крыльцѣ. Записавъ подорожную и взявши прогоны, онъ велѣлъ скорѣй перемѣнить лошадей, и черезъ пять минутъ, молодой ямщикъ посвистывая ударилъ бичемъ, и четверня сѣрыхъ понеслась рысью. До *Кагала* (23 в.) окрестность также пуста; нѣсколько прекрасныхъ мостовъ идутъ по небольшимъ извилистымъ ручейкамъ. Приближаясь къ слѣдующей станціи, я былъ восхищенъ картиной заходящаго солнца, среди полянъ и сѣраго, покрытаго тучами неба.

Солнце спускалось отражаясь золотою пирамидою не въ морѣ — а въ небѣ, и золотило ободочки сѣрыхъ облаковъ; окрестныя поляны и группы деревьевъ, какъ бы желтѣли отъ скрывающихся лучей его.

До слѣдующей станціи зеленѣетъ лѣсъ. У *Лоопа* течетъ рѣчка извѣстная вкусными раками. Тутъ я пробылъ до 4-хъ часовъ, и приказавъ достать и сварить раковъ, взялъ ихъ съ собою на завтракъ.

До *Педруса* растетъ кустарникъ, а приближаясь къ станціи, видѣется вдали городъ *Везенбергъ*, похожій своими башнями на Ревель. Дурная погода и раннее время, не позволили мнѣ посѣтить Везенбергъ и древнія его развалины. Комиссаръ впрочемъ увѣрялъ меня, что эти древности не стоятъ того, чтобы въ дурную погоду, по плохой дорогѣ, тащиться къ нимъ восемь верстъ. До самой *Ісве* дорога однообраз-

на. Небольшія горы, желтыя волнующіеся поляны и зеленыя пастьбища, вотъ всѣ украшенія окрестностей. Отъ Іеве я повернулъ на большую Рижскую дорогу. Тутъ до самой *Вайвары*, кромѣ болотъ, лѣса и кустарниковъ ничего не видно. У Вайвары простираются какъ бы песчанныя горы — это овесъ. Онъ желтѣетъ на необозримомъ пространствѣ окруженный лѣсомъ, и около полуверсты идетъ широкою полосою, кажущеюся какъ бы двоѣникомъ большой дороги. Вдалекѣ начипаетъ показываться море и шедшій тогда дождикъ, казался сѣрою прозрачною тафтою соединяющею его съ тучами.

За 5-ть верстъ до Нарвы гербы означенные на столбахъ, служатъ рубежомъ Эстляндіи и Петербургской губерніи.

Тутъ пачинаютъ встрѣчаться *бороды* и Нарва уже видиѣется съ своими сѣрыми башнями. Вотъ и она. Проѣхавъ Петровскія ворота, и прекрасный мостъ на

быстрой Наровь я очутился въ городѣ. Красивые, но большею частію старинные домы, стоятъ на хорошо мощенныхъ улицахъ. Нарва вся разбросана по горамъ, такъ что ко многимъ, даже деревяннымъ домамъ, нужно подниматься по ступенямъ горъ. На право стоитъ *Иванъ-городъ* въ развалинахъ; это остатки древней пограничной Русской крѣпости. Кирпичныя, высокія пожелтѣлыя стѣны, частію уже развалившіяся, окружаютъ два живыя остатка: церковь Успѣнія Божіей Матери и арсеналъ Карла XII обращенный въ пороховой магазинъ. По краямъ стѣнъ стоятъ сѣрыя круглыя башни покрытыя небольшими кусками, оставшимися отъ прежнихъ крышъ. Вообще можно сказать что Нарва видомъ своимъ сходствуетъ съ Ревелемъ —недостаетъ только Олая и моря.

На станціи я досталъ ямщика съ бричкою, чтобы осмотрѣть славный *Нарвскій водопадъ*. Онъ лежитъ за двѣ

версты отъ почтовой гостиницы и на половинѣ пути уже слышится однообразный, дождевый шумъ его. Онъ увеличивается болѣе и болѣе и обращается въ глухой ревъ, когда вы подъѣзжаете къ берегу Наровы, гдѣ настроено множество фабрикъ и мѣльницъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ силѣ водопада. Здѣсь Нарова бѣла, и только серебряныя брызги, выказываютъ черный, волнующійся хребетъ ея.

На берегу Наровы, я велѣлъ ямщику остановиться и самъ отправился пѣшкомъ къ водопаду; тамъ чудная, единственная картина представилась мнѣ.

Видно озеро окруженное соснами и домами, которыя кажутся какъ бы стоящими на каменномъ днѣ его. Это озеро расширяется, упадаетъ водопадомъ и — идетъ въ Нарову. Огромный, бѣлый, пушистый цилиндръ, какъ бы вертится около своей оси; влага его перебѣгаетъ высокія, каменныя ступени и упадая об-

разуетъ какъ бы снѣжныя кружева; а брызги, поднимаясь подобно бѣлому пару, разсыпаются дождемъ.

Восхищаясь поэзію Парвскаго водопада, я не могъ удержать его впечатлѣній, не выразясь поэтически (*). Вотъ картина, которая часто рисуется въ моемъ воображеніи.

Гдѣ руины Иванъ–города
Надъ Наровою стоятъ,
Тамъ изъ озера широкаго
Выбѣгаетъ водопадъ;
И пушистой бѣлой пѣною
Поднимаясь къ облакамъ,
Машетъ онъ главой надмѣнною,
Обрѣченной сѣдинамъ;
Но ни сердце — берегъ каменный,
Ни сѣдая голова,
Не скрываютъ страсти пламенной
Сластолюбца-старика.
Чуть къ груди Наровы дѣвственной

(*) Кстати замѣтимъ, что вдохновенный Державинъ кончилъ въ Нарвѣ свою Оду *Богъ*.

Припадаетъ водопадъ,
Словно говоръ, громъ воинственный —
Страсти пылкія кипятъ.
Онъ лобзаетъ грудь лебяжую,
А невинная рѣка,
И кинитъ и вырывается
Изъ обьятій старика;
И горою грудь волнуется,
Осязая старца грудь...
Онъ угрюмъ, лишь сосны черныя
На главѣ его растутъ;
Но не время, повѣсть страшная
Взборонила лобъ его,
Громы сгычекъ Русскихъ съ Шведами,
Долетали до него.
Онъ видалъ, какъ передъ Нарвою
Волей Русскаго Царя,
Поднимались башни твердыя,
Шведа бомбами даря.
Онъ вдаль, какъ съ Делагардіемъ,
Рати Шведскія брели
Растерзать Москву родимую
Сердце Русскія земли.
Онъ слыхалъ, какъ воля мощная
Императора Петра,

Просвѣщала Царство Русское,
Отъ Наровы до Днѣпра.
И колеблется и пѣнится
Словно въ кружевѣ каскадъ,
И уста рѣчами полнятся;
И уста змѣей шипятъ,
А Нарова бѣлогрудая,
Хоть и внемлетъ старику,
Но кипитъ, и быстро катится
Безъ оглядки по песку,
Чтобъ въ объятьяхъ друга милаго,
Въ лонѣ Финскихъ береговъ,
Отдохнуть волнистой грудью,
Утолить свою любовь.
И сердитый мужъ бѣснуется,
Ревность гложетъ старика;
Онъ бурлитъ и искры влажныя,
Плещетъ съ шумомъ въ облака.

Возвратившись на станцію и пообѣдавъ, я отправился въ *Ямбургъ*. За двѣ версты до него течетъ живописная Луга; прекрасный мостъ идетъ по ней, и по сторонамъ его виднѣются красивыя яхты. Одинъ берегъ Луги совершенно

крутъ и скалистъ, другой же напротивъ покатенъ и плоскъ.

Ямбургъ состоитъ изъ широкой улицы, окруженной большими каменными домами, прекрасной архитектуры. Кругомъ города за каменными зданіями, расположены красивые деревянные домы. Среди города возвышается большой каменный Соборъ. Словомъ, Ямбургъ также похожъ на Гельсингфорсъ въ маломъ видѣ, какъ Нарва на Ревель.

Отъ *Ополья* до *Чирковицъ* лежатъ деревни Гр. Шуваловыхъ и Бар. Фридрихса; *у Каськова* видѣется живописный домъ и деревня Генерала *Веймарна*.

Въ *Кипьпь* я пріѣхалъ почью и черезъ три часа уже отдыхалъ дома.

ГЛАВА VI.

Примѣчанія для посѣщающихъ города Ревель и Гельсингфорсъ. —

Ревель замѣчателенъ своими древностями, цѣлебными морскими ваннами, дешевизною припасовъ, пріятнымъ обществомъ жителей, окрестностями и вообще природою. Всѣ эти выгоды и удовольствія такъ тѣсно связаны между собою, что этотъ городъ невольно обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ, не только Петербургскихъ жителей.

Слабый здоровьемъ или удрученный всякаго рода занятіями, всегда можетъ

найти въ Ревелѣ, пріятное лѣкарство — море и беззаботный и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный отдыхъ.

Лучшее время для пользованія моремъ и для отдохновенія, разумѣется есть лѣто; но надо опредѣлить часть его, заключающую въ себѣ болѣе пользы и удовольствія.

Отправляться въ Ревель, совѣтуемъ всѣмъ около 15 Іюня, *моремъ*, потому что эта поѣздка сохранитъ лишніе сутки, и будетъ пріятнѣе, по обыкновенному въ это время, спокойствію моря. Въ Ревелѣ же это лучшее время для начала купанья, потому что морская вода бываетъ тогда тепла отъ 12° до 18° по Реом.

Билеты на Финляндскій пароходъ, получаются лѣтомъ въ С. Петербургѣ ежедневно отъ 9 до 12 часовъ, на Англійской Набережной подлѣ Крюковскаго моста у Ст. Сов. *Шлитера*. Цѣна мѣстамъ слѣдующая:

Въ 1-й каютѣ, гдѣ мужчины и дамы бываютъ отдѣльно — 60 р. ас.

Во 2-й, общей каютѣ, съ койкою (постелью) 50 р., а безъ нее 40 р. ас.

На палубѣ 30 р., а на носу 20 р. ас.

Въ каютахъ обѣдъ и ужинъ подаютъ безъ платы.

Отправляющіеся въ Ревель, должны брать билеты не позже какъ за 2 дня до отъѣзда парохода, и тогда же представлять свои паспорты.

Пароходъ отходитъ изъ Петербурга обыкновенно въ 8 часовъ утра и въ хорошую погоду миновавъ Кронштадтъ въ 12 часовъ, приходитъ въ Ревель въ 7 часовъ слѣдующаго утра. Въ бурную же погоду онъ не можетъ быть тамъ раньше 10 часовъ.

На пароходѣ, для избѣжанія дурноты, главное правило быть спокойнымъ, т. е. не двигаться съ мѣста, и не смотрѣть на волны, однообразное движеніе которыхъ, кружитъ голову.

Ѣсть нужно, какъ можно менѣе, и особенно остерегаться всего жирнаго и сладкаго. Кофе съ хлѣбомъ и нѣсколько рюмокъ портвейна, смотря по сложенію человѣка, полезны для укрѣпленія силъ, а содовая вода для прохлажденія.

Первое дѣло по пріѣздѣ въ Ревель, есть разумѣется отдыхъ, и потому лучше озаботиться еще въ Петербургѣ, письменно, черезъ знакомыхъ, о наймѣ квартиры.

Въ городѣ по отдаленности сада, и сырости пріѣзжіе обыкновенно не нанимаютъ квартиръ. Въ форштадтахъ же цѣны ихъ среднимъ числомъ, суть слѣдующія: за небольшой домъ въ лѣто около 300 р. ас., за 5 комнатъ 150 р.; за 3 — 100, за 2 до 75 и пр. Это я говорю о Нарвской улицѣ и слободкахъ примыкающихъ къ ней, потому что эти мѣста для Петербургскихъ пріѣзжихъ,

самыя удобныя по близости моря и сада — Екатерингенталя.

Неуспѣвшіе же достать квартиръ до пріѣзда, лучше всего сдѣлаютъ если по прибытіи парохода отправятся въ Морскую улицу (Langstraße) въ трактиръ *Ветерштрандъ*. Во время двухдневнаго отдыха, можно всегда найти квартиру въ одномъ изъ форштатовъ.

Живя на своей квартирѣ, кушанье можно получать у Г-па Витта, подлѣ Екатерингенталя, платя по 36 р. ас. въ мѣсяцъ за порцію.

Желающіе пользоваться морскимъ купаньемъ, должны сперва начать съ теплыхъ ваннъ (*), и потомъ уже приступить къ холоднымъ. За каждую теплую ванну платятъ 1 р. 25 к. ас., а за холодную 25 к. Первыя можно брать только разъ въ день утромъ, а послѣднія кромѣ того и вечеромъ. Пользующіеся ваннами

(*) Число ихъ зависитъ отъ сложенія человѣка.

должны употреблять легкую пищу и воздержаться отъ всего кислаго и слишкомъ жирнаго. Купаясь нужно бросаться прямо въ воду и послѣ купанья прогуливаться. Соблюдая это можно ожидать отъ морскихъ купаленъ явной пользы.

Изъ достопримѣчательностей Ревеля, заслуживаютъ вниманія:

Церковь Св. Олая. Пока отдѣлывается она бываетъ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ. Подниматься на верхъ ея въ вѣтреную погоду не совѣтуемъ, также какъ и никогда не ходить въ самую башню, что бываетъ сопряжено съ опасностью, между тѣмъ какъ Ревель также хорошо видѣнъ и съ терассы, главнаго зданія. О древностяхъ церкви Св. Олая, сказано во II главѣ этого сочиненія.

Домъ Братства Черноголовыхъ. Онъ находится почти противъ церкви Св. Олая. Входъ туда имѣетъ всякій порядочно-одѣтый человѣкъ. Древнюю залу съ портретами разныхъ Августѣйшихъ

особъ, можно видѣть всегда, а бокалы и *книгу Членовъ*, только съ дозволенія Ротмистра Братства. Нынѣ это мѣсто занимаетъ Г-пъ *Тенгусъ*; онъ живетъ въ магазинѣ купца *Мартинсона*, лежащемъ, въ той же Морской улицѣ. Газеты Русскія и иностранныя, находящіяся въ домѣ Черноголовыхъ, позволяется читать во всякое время Гг. Членамъ, Чиновникамъ и Студентамъ. Историческое обозрѣніе дома и Братства Черноголовыхъ находится въ IV главѣ.

Эстонская церковь Св. Духа возвышается подлѣ этого дома и замѣчательна своимъ Алтаремъ, — художественнымъ произведеніемъ XIII вѣка.

Церковь Св. Николая, находится въ улицѣ того же имяни, недалеко отъ Морской. Осмотрѣть ее и видѣть трупъ Дюка де Кроа можно всегда, пользуясь описаніемъ изложеннымъ во II главѣ.

О *Вышгородской* церкви упомянуто въ IV главѣ. Осмотрѣвъ ее, надо пово-

ротить въ право, къ дому купца *Рихтера*: этотъ домъ стоитъ на высокой, плитяной скалѣ и замѣчателенъ своимъ единственнымъ point de vue. Оттуда по уступамъ можно спуститься внизъ, за что вы вознаградитесь еще лучшимъ видомъ, и прямо пройдете въ нижній городъ, черезъ ворота называемыя *Sistersfort*. Тамъ находится Почтовый Дворъ и также отдаются экипажи и лошади, для прогулокъ по окрестностямъ Ревеля.

Кстати, скажемъ объ окрестностяхъ главнаго города Эстляндіи.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *Фаль*; на осмотръ этого очаровательнаго мѣста надобно употребить цѣлый день и даже болѣе. Посѣтители останавливаются тамъ обыкновенно въ гостинницѣ *Село Сосновка*.

О Фалѣ подробно сказано въ III главѣ этого сочиненія.

По той же Гапсальской дорогѣ находится *Тишертъ*. Ѣхать туда надобно

также на цѣлый день. *Либерте*, *Витенгофъ* и *Лёвенру* (*), можно видѣть мимоѣздомъ въ Тишертъ, о которомъ сказано въ III главѣ. На право отъ *Витенгофа* идетъ дорога въ *Цигельскоппель*, Лютеранское кладбище, заслуживающее вниманія своимъ мѣстоположеніемъ. По *Перновской* дорогѣ на 12-й верстѣ, замѣчательны большой садъ мызы *Курнальдъ*, и на 8-й близъ *Дома призрѣнія слѣпыхъ* Г-жи Е*, *памятникъ* поставленный Черноголовыми, въ память сраженія съ Русскими.

Кошъ можно посѣтить пѣшкомъ, для прогулки. Онъ лежитъ, въ сторонѣ Петербургской дороги, въ 3-хъ верстахъ отъ Екатериненталя. По пути можно остановиться у сахарной фабрики Ком.

(*) *Теку*, мызу Бар. Штакельберга и *Гекъ*, Барона Унгернъ-Штернберга, можно видѣть по пути въ Фаль.

Сов. Пономарева, чтобы полюбоваться прекраснымъ видомъ на Ревель.

Въ Кошѣ у садовника, за небольшую плату можно найти лодку, на которой по р. Бригитовки и совѣтуемъ отправиться къ развалинамъ монастыря (*), лежащимъ на полуостровѣ. При томъ же это дастъ случай восхищаться живописными берегами рѣчки. За 6-ть верстъ отъ развалинъ монастыря Св. Бригитты, лежитъ *Вимсъ*, мыза Гр. Буксгевдена. Она богата живописными видами, но тамъ во время отъѣзда владѣтелей, ничего нельзя достать, и, даже пристанища. И такъ совѣтуемъ посмотрѣть *Кошъ* и *монастырь Св. Бригитты* утромъ, а *Вимсъ*, хотя и въ другой день, послѣ обѣда.

Вотъ главныя достопримѣчательности Ревеля и его окрестностей!

Почтовая Контора въ Ревелѣ нахо-

(*) См. III главу.

лится противъ Русской церкви Св. Николая. Почта приходитъ по Понедѣльникамъ и Четвергамъ, а кромѣ того по Пятницамъ, съ пароходомъ, а отходитъ по Вторникамъ и Пятницамъ.

Подлѣ заведенія почты живетъ Докторъ *День*, котораго рекомендуемъ на случай болѣзни, всѣмъ пріѣзжающимъ въ Ревель.

Публичныхъ купаленъ въ Ревелѣ 3. У *Витта* близъ Екатерининталя, у *Краузе* противъ Большихъ Морскихъ воротъ и у *Криха* около Западной Баттареи.

Балы бываютъ лѣтомъ въ залѣ Ревельскихъ купаленъ Г-на Витта. Цѣна за входъ 2 р. ассигн.

Спектакли въ театрахъ обыкновенно начинаются не ранѣе Сентября.

Магазины въ Ревелѣ, лучшіе суть слѣдующіе:

Иностранныхъ матерій: *Гикиша*, *Мар-*

тинсона и *Ризенкампфа* въ Морской улицѣ (Langstraße) (*).

Русскихъ матерій: *Чумикова*, на Шведскомъ рынкѣ.

Фарфора, хрусталя, стекла и косметическихъ вещей *Шифнера* и *Писше* въ Морской улицѣ.

Табаку и мелочей, *Хузена* въ той же улицѣ.

Полотна, минер. воды, чаю, сахару и сухихъ фруктовъ: *Криха* и *Мейера* въ той же улицѣ. Тамъ же можно достать хорошаго Ревельскаго сыра, по 80 к. м. за фунтъ.

Книгъ: *Эгерса* въ Нарвской улицѣ. Тамъ же находится Библіотека для Чтенія Нѣмецкихъ и Французскихъ книгъ. Цѣна въ мѣсяцъ 3 р. асс.

Бумаги и канцелярскихъ матеріаловъ:

(*) Должно замѣтить что въ Ревелѣ, названіе всѣхъ улицъ имѣютъ *странный* переводъ, съ Нѣмецкаго на Русскій языкъ.

Коммисіонера Императорской Петергофской бумажной фабрики, у Повыхъ Воротъ.

Хлѣбъ, масло, молоко, ягоды, яйцы, рыбу и пр. припасы, разносятъ женщины по домамъ.

Извощики стоятъ у Екатерипенталя, у Нарвскихъ воротъ и на Шведскомъ рынкѣ.

Живя въ Ревелѣ, грѣшно однакожъ не посѣтить Гельсингфорсъ, хотя промѣнять его на Ревель, не смотря на многія его превосходства, по недостатку хорошаго сада, и вообще *зелени*, нельзя. Изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, бываютъ назначаемы разъ 5 въ лѣто, двухдневныя прогулки такъ называемыя Vuiffart. Билеты получаются у *Мейера*, въ Морской улицѣ, по 12 р. ас. съ особы.

Взявшій билетъ, долженъ предъявить въ Таможню, опись вещамъ, которыхъ онъ беретъ съ собою въ Гель-

сингфорсъ, потому что если по возвращеніи оттуда, найдутся у кого либо лишнія, запрещенныя вещи, то съ тѣмъ какъ съ распространителемъ контрабанды, поступаютъ по законамъ.

Въ Гельсингфорсъ пароходъ отправляется въ 8 часовъ утра, и въ хорошую погоду бываетъ тамъ въ началѣ 2-го часа, а въ бурную часомъ позже.

По прибытіи въ Гельсингфорсъ, главное дѣло озаботиться достать комнатку въ гостиницѣ Societé, находящейся близь Гавани, платя въ сутки по 2 р. Общій обѣдъ бываетъ тамъ въ 2 часа, по 1 р. 20 к. асс. съ особы.

Въ Гельсингфорсѣ заслуживаютъ вниманія:

Сенатъ и *Университетъ*. Они находятся на городской площади подлѣ собора; въ послѣднемъ мы совѣтуемъ осмотрѣть достопримѣчательности, о которыхъ сказано въ концѣ 1-й главы этого сочиненія.

Ботаническій садъ. Онъ лежитъ подлѣ Университета.

Обсерваторія. Она находится противъ гостиницы Societé, и на верхъ ея мы совѣтуемъ подняться, чтобы видѣть городъ, скалы и шеры съ лучшей точки.

Лавки иностранныхъ товаровъ находятся подлѣ той же гостиницы; а къ заведенію Минеральныхъ водъ и купаленъ, каждыя четверть часа отправляется изъ гостиницы Societé, дилижансъ.

Чтобы видѣть Свеаборгъ и окрестныя шеры лучше всего отправиться туда на одномъ, изъ двухъ городскихъ пароходовъ.

На Lentaia, однакожъ, въ непогоду не совѣтуемъ ѣздить; это сопряжено съ опасностію.

Балы бываютъ въ залѣ заведенія минеральхъ водъ, а спектакли въ театрѣ.

который находится въ концѣ *Липовой аллеи*, по пути къ Обсерваторіи.

Черезъ двое сутокъ, Финляндскій пароходъ отправляется обратно въ Ревель, и приходитъ туда въ теченіе отъ 5-ти до 6-ти часовъ.

По прибытіи, таможенные дѣлаютъ осмотръ и шкиперъ парохода, отбираетъ билеты.

Сказавши вполнѣ объ Ревелѣ, мы должны обратиться къ возвращенію въ Петербургъ.

Лучшее время для этого — средина Августа, а средство — пароходъ.

Тѣмъ же, которые напуганы случайною бурею или желаютъ видѣть Нарву, совѣтуемъ отправиться на почтовыхъ лошадяхъ (*), потому что наемный извощикъ или фурманъ возметъ дороже и

(*) Казенныхъ прогоновъ на лошадь считается около 8 р. сер., въ случаѣ же не имѣнія экипажа можно нанять его на почтовомъ дворѣ, у Г. Алланда.

не пріѣдетъ въ Петербургъ прежде пяти дней.

Изъ Ревеля совѣтуемъ выѣхать въ 2 часа, послѣ обѣда, взявъ съ собою нѣкоторые припасы, т. е. хлѣбъ, вино, чай, сахаръ и т. п.

Въ *Іеглехтѣ* вы будете въ 4 часа, въ *Кагалѣ* въ 6 и въ *Лоопѣ* въ 8. Тутъ слѣдуетъ напиться чаю и купить, на дорогу, тамошнихъ извѣстныхъ раковъ, приказавъ прежде сварить ихъ. Въ *Педрусѣ*, считая остановку въ Лоопѣ, можно пріѣхать къ 11 часамъ утра. Здѣсь нужно остаться на ночь, по обыкновенной въ это время утомительности, темнотѣ и сырости, и съ разсвѣтомъ (въ 3 часа) продолжать путь. Миновавъ городъ Везенбергъ (*), вы будете въ *Гогенкрейцѣ* въ 5, а въ *Варьелѣ* въ 7 часовъ. Здѣсь можно напиться кофе и черезъ часъ отправиться снова. Перемѣ-

(*) Туда, если угодно, можно заѣхать, заплативъ еще за 8 верстъ прогоны.

инвъ лошадей въ Іевѣ въ 10 часовъ, продолжайте путь, а въ 11 часовъ остановитесь въ Чудлеѣ—позавтракать Лоопскихъ раковъ и пр. Отправясь далѣе вы будете въ Вайварѣ въ часъ, а въ Нарвѣ въ три.

Пока въ гостиницѣ будутъ готовить вамъ обѣдъ и перекладывать лошадей, можно достать на станціи ямщика, который за 1 р. серебр. и свезетъ васъ къ знаменитому водопаду. Тамъ съ дозволенія хозяина суконной фабрики, нужно подняться на терассу ея, съ которой представляется лучшій видъ на водопадъ. Возвратясь оттуда и пообѣдавъ, вы можете продолжать путь, и осмотрѣть Нарву и развалины Иванъ-города, дорогою. Въ Ямбургѣ вы будете въ 7 часовъ, въ *Чирковицахъ* въ 9, а въ *Каськово* въ 11 часовъ. Здѣсь можно остаться ночевать до 3 часовъ, потому что въ слѣдующей станціи, *Киппи*, лошади къ ночи обыкновенно бываютъ утомлены, или находятся въ

разгонѣ. Въ *Кипѣни* можно остановиться на часъ — напиться кофе и полюбоваться *Ропшею;* потомъ, миновавъ *Стрѣльну*, вы будете въ Петербургѣ, черезъ двое сутокъ по отъѣздѣ изъ Ревеля.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Вступленіе. — Морская поѣздка въ Ревель. — Вдохновеніе на морѣ. — Гора Лаксбергъ. — Поѣздка въ Гельсингфорсъ. — Свеаборгъ. — Обсерваторія. — Ботаническій садъ. — Заведенія морскихъ купаленъ и иск. мин. водъ. — Финскій Соборъ. — Университетъ. — Театръ. — Балъ. — Возвращеніе въ Ревель . . . . . 1.

ГЛАВА II. Ревель. — Внутренній видъ его — Лютеранская церковь Св. Олая. — Каменное изваяніе скелета въ стѣнѣ ея. — Эстонская церковь Св. Духа. — Лютеранская церковь Св. Николая. — Дюкъ де Кроа и исторія его. — Вышгородъ. — Лобное мѣсто. — Канунъ и праздникъ Иванова дня. — Картина захожденія солнца . . . . . 26.

ГЛАВА III. Фаль, мыза Гр. А. Х. Бенкендорфа. — Замокъ и садъ ея. — Мыза Кошъ. — Развалины монастыря Св. Бригитты. — Мыза Тишертъ. — Видъ Ревеля съ Олайской башни . . . . . 47.

ГЛАВА IV. Братство Черноголовыхъ. — Исторія и рѣдкости его. — Домъ призрѣнія слѣпыхъ. — Древній памятникъ Черноголо-

Стр.

выхъ. — Ловля килекъ. — Ревельскій маякъ. — Гуляньe въ Витенгофѣ. — Вимсъ, мыза Гр. Буксгевдена. — Вышгородская церковь. — Могила Гр. Понтуса Делагарди. — Екатерипенталь . . . . . 68.

ГЛАВА V. Возвращеніе въ Петербургъ. — Путь отъ Ревеля до Нарвы. — Развалины Иванъ - города. — Нарвскій водопадъ. — Путь отъ Ямбурга до Петербурга . . . . 85.

ГЛАВА VI. Примѣчанія для посѣщающихъ города Ревель и Гельсингфорсъ . . . . . 96.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ встрѣчаются слѣдующія ошибки, исправленныя въ другихъ:

Стр.	строк.	напечатано:	надо читать:
10	15	жизнею	жизнію
10	16	изнеженныхъ	изнѣженныхъ
15	6	време	время
16	7	пристанищѣ	пристанище
23	17	выѣхали	въѣхали
28	6	bieche	biche
28	7	Margarithe	Margaretha
33	7	haupterr	Haupterr
37	1	Гольдбейна	Гольбейна
69	9	барельфами.	барельефами
93	20	вгдалъ	видалъ
108	23	которыхъ	когорыя

— и проч., менѣе значительныя.